

10-го февраля 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

5

5

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го лютого 1928 р.
ПРАНА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. *Петр Крюков*: Забытые могилы.
2. *О. Олесь*: (Стихи).
3. *Юрий Гончаров*: Огонь.
4. *Гнат Макуха*: (Стихи).
5. *С. Нальянч*: Колосья. (Стихи).
6. *Ахмед Цалыккаты*: Память о мертвых.
7. *Борис Кундрюцков*: (Стихи).
8. *Константин Поляков*: (Стихи).
9. Русская политическая мысль и казачество.
10. *Ис. Быкадоров*: Трагедия Донских вождей.
11. *Д-р С. Федоров*: Нациологическая терминология и Казачество.
12. *О. Долинский*: Культура и самоопределение народов.
13. *С. Ф. Лантух*: Чешская Маффия. (Продолжение).
14. Печать о „Вольном Казачестве“. — Обзор.
15. Казачья старина.
16. Международная жизнь. — Обзор.
17. Казачья эмиграция.
18. В Казачьих Землях.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

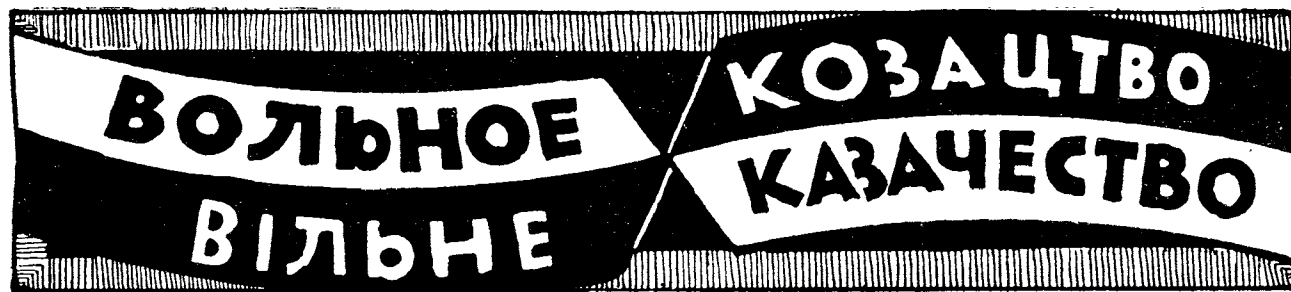
— Вільне Козацтво —

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч. С. Р. 3 кр.	В Болгарии 10 лева
В Польше 0,75 зл.	Во Франции 2 фр. 50с.
В Югославии 5 дин.	В других странах 15 ам. ц.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

№ 5.

Прага, пятница 10-го февраля 1928 г.

№ 5.

Петр Крюков.
(Болгария).

ЗАБЫТЫЕ МОГИЛЫ.

Далеко, далеко от нас, много дальше неприветливых волн вечно шумящего мутно-зеленого Черного моря, среди широких, привольных и безбрежных Придонских степей, — есть забытые, заброшенные могилки с покосившимися деревянными крестами, а иногда и вовсе без крестов: так просто холмик насыпан.

Заброшенные, забытые...

Ничья заботливая нежная рука перед праздниками не уничтожит на них сорной травы, не обложит дерном и не посыплет вокруг мелким серебристым песком.

Никто не склонится над этими могилками с жаркой молитвой, и ничья слеза не упадет на холодную землю маленьких холмиков...

Эти скромные холмики — могилки не менее скромных бойцов, положивших жизнь свою за свободу Родимого Края.

Кто они, эти неизвестные бойцы, так беззаветно любившие родину?.. Где их родные, близкие?.. Знают ли они о смерти своих защитников?..

Тихо звенит серебристый ковыль и шепчет: — Они — казаки!

В этих двух словах заключается все объяснение:

— Они — казаки!

Что им родные и близкие? Не ради ли той самой степи, где разбросаны теперь их могильные холмики, покинули они отчий дом и близких?

Не ради ли нее забыли они о всем на свете и, идя в бой с многочисленным противником, думали только о нем — Родимом Крае?..

... Не забыла только степь родная об этих могилках!

Ранней весной, только что сойдет с лица земли белый саван зимы, пригреет солнышко, и тотчас же могильные холмики начинают украшаться свежей молодой зеленью. И все лето над могилками носится фиам чобора и полыни, и тихо шепчет безвестным героям родные сказы старый ковыль.

... А у людей эти могилки забыты.

Полонили Родимый Край злые враги; опоганили, заплевали Придонскую степь и грубо насмеяются над семьями тех, чьи могилки разбросаны по простору степи.

Победители!..

И боятся близкие даже сотворить молитву во имя павших в бою, чтобы не поплатиться за это... Враги вездесущи и всеслышачи.

Поэтому-то эти могилки и заброшены, забыты...

... Но не забыты эти заброшенные могилки далеко, далеко — в чужих землях во всех уголках земного шара (кроме Русской земли), где бьется казачье сердце, где еще живы соратники тех, которые пали.

Каждый праздник в скромной, заграничной православной церковке возносится ими горячая молитва за тех — „на поле брани живот свой положивших“, — и мягко и нежно несется ввысь вечная память.

Вечная вам память, безвестные бойцы, павшие за свободу Родимого Края!..

Вечная память!..

О. Олесь.

Мой Матери.

Приснилось, що я вернувся до дому...
 Іду, дивлюсь: мій край... моя земля...
 Як в морі, в сонці золотому
 Сади, і села, і поля.

Іду зеленою межею, —
 Кругом хвилюються жита...
 І над погаслою душею
 Знов сходить зірка золота.

Прокинувся в небі раювання...
 І все збагнув і... похолов...
 Іду пустелею вигнання
 І на каміннях моя кров.

Ось-ось дійду до хатоньки моєї,
 Де Мати жде мене й не жде...
 Я скрикну: „Матінко!“, — до неї,
 Вона на груди упаде...

... І довго будуть литись сліз потоки
 І в них брентемуть слова:
 „Я ждала, ждала цілі роки
 І в'яла, сохла, як трава...

Юрій Гончаров.
 (Брно).

Огонь.

С атласного неба сверкающими каскадами брызжет и рассыпается звенящими осколками солнечный свет. И воздух — синий хрустальный бокал — быстро наполняется золотистым игривым вином...

Два окна моей комнаты смотрят с пригорка вниз. Отсюда видны — дальние горы в утренних красках, речка и — как на ладони — вся деревня под горкой: черепичные крыши в зелени, костел на краю деревни и напротив школы, затерявшаяся между густо-зелеными платями училищного сада.

В нашем дворе под навесом пантата Горчица что-то тешет топором и мурлычет песенку: „Не ходи, Янко, через полянку“...

Алойз и Тереза — дети его! — ушли куда-то. Ушел и мой сожитель студент Федоров — наверное на речке „загорают“ и подзубривает математику.

Толстоющая квартирная хозяйка заглядывает в окно и кивает головой: „Сварю я вам сегодня мясо на обед, пане Андрей“...

Я живу здесь уже целый месяц и знаю почти всех. Кажется, вчера приехал учитель. Сам он живет летом больше в городе, сюда заезжает редко; здесь же на даче его семнадцатилетняя дочка — Гедвика. Она в этом году окончила гимназию.

Каждую субботу в деревню приезжает серьезный и очень интересный студент в пенсне — негласный, но признаваемый всеми жених Гедвики — и остается здесь все воскресенье. Вначале мне это было очень выгодно, но...

Недавно, Федоров — довольно равнодушный ко мне человек — пустил за моей спиной ядовитые словечки: „будничный кавалер“... Я вспыхнул и задохнулся, но не обернулся назад, унося в сердце ядовитую колючку...

Я?.. Будничный кавалер?.. Ого, посмотрим!.. Позавчера было как-раз воскресенье. Вчера я просидел дома. Почему-бы мне и сегодня не остаться здесь-же?

... Во дворе толстопузая огромнейшая туша в сером костюме отирает пот. Из под навеса — приветливый тенор пантаты: „мое почтение, пане учитель“... Учитель вступает на ступеньку и, тяжело переводя дух, кланяется мне в окно.

— Что-ж это вы дома сидите? Нас совсем забыли, пане Гнутов?

— Да некогда, господин учитель, — опускаю я голову.

— Э, бросьте! Успеете еще облысеть за своими науками, идемте к нам. Гедвика спрашивала: уж не заболел-ли?

— Ну?.. Неужели спрашивала?..

— Идемте!.. Послушали-б, какие там мудрости ваш коллега излагает, — настаивает учитель.

Я колеблюсь... А ну его все к дьяволу!..

— Идемте, господин учитель.

Дорогой рассказывает учитель городские новости и все жалуется на жару.

* * *

В густом училищном саду тихозвучные шелесты гнездятся и гомонят в листве. Зеленая сеть в золотых завитушках накинута на терасу и двумя пологами касается земли...

Под деревом, у ног Гедвики, в рубашке с расстегнутым воротом, без галстука, лохматоголовый Федоров сидит на траве и, разводя руками, философствует хрипловатым своим „хохлацким“ голосом.

Два узко-разрезанных карих глаза живым огнем глубоко смотрят на меня, и маленькая рука мягко жмет мою руку.

В самом деле; по всему видно, что мне сейчас очень обрадовались.

— Вы к нам вчера так и не приходили, Андрей? — укоризненно говорит Гедвика.

У нее чудесные глаза и каштановые волосы-микадо. И в глазах оживленный свет. Ей-бы очень шло нарядиться японкой.

— Я и позавчера не был.

Смысл моих слов, я вижу, пропал за оживлением.

— Ну, а теперь он у нас. Прошу мириться и любить друг друга,—весело подхватывает учитель и грузно плюхается на траву...

— Я его и так очень люблю, — смехом брызжет мне в глаза из ее зрачков.

Фу, черт возми!.. Я краснею, как дурак... Учитель заливается смехом:

— Он покраснел! Смотрите: он покраснел! — хочет учитель.

Эта хитрая пузатая лисица отлично все знает. Смеется и Федоров.

Наконец, и я смеюсь, усаживаясь у ног Гедвики с другой стороны.

— О чем вы тут толковали?

— Пане Федоров, ну-ка раскройте им свои мысли?

— Охотно, — произнося каждое о, соглашается Федоров и поворачивает к нам свое одутловатое серое лицо.

Учитель, лицемерно опустив глаза, набивает табак трубку.

Федоров, подняв палец вверх, начинает:

— Нули. Сами по себе нули — не имеют никакой цены, но для цифры они необходимы. Цифра с нулями есть величина. Нулей место позади цифры и тогда с этим хвостом число принимает фантастические размеры. Сама же по себе и цифра — значит мало — ей нужны нули... С другой стороны — вовсе мало толку, если нули выпрут перед цифрой... —

Федоров останавливается, чтобы закурить.

Оба они с учителем отворачиваются от ветра и зажигают трубки. И в это время Гедвика за широченной спиной отца вскидывает мне на плечи руки и беззвучно целует так крепко, что у меня захватывает дыхание...

— Так вот, — внимательно следя за чуть тлеющим огнем в трубке, поворачивается Федоров: — Человечество, это — число, где хаотически перепутались цифры и нули... Большинство людей — нули, которых место позади. Но весь трагизм заключается в том, что ни один человек не согласится назвать и осознать себя нулем и каждый лезет вперед... —

Учитель восторгается.

Сквозь ветви на нас сыплются и сыплются огненно-золотые пятна и кружки...

Федоров, помолчав, продолжает:

— Конец нашим познаниям есть ноль абсолютный. Там — тайна. Замкнутый обруч нашей бесконечности, скорость света и абсолютный ноль — это загадочные пределы, через которые наша наука и человеческая мысль никогда не смогут переступить...

— Хорошо, — тихо говорит Гедвика.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Гедвика незаметно щекочет меня за ухом и спрашивает Федорова:

— Ну, а я как-же? Тоже по вашему — ноль?

Федоров умильно складывает руки:

— Вы богыня...

Учитель хохочет. Гедвика тоже и шлепает Федорова слегка по затылку. Федоров уклоняется от второго подзатыльника и, угибаясь, бежит. За ним, как коза, прыгая через пни, мчится Гедвика, все убаюкивая бег сильных ног; они исчезают. А через минуту смех Гедвики, как серебряная струна, хрустальными рассыпается по саду, и из глубины зеленых тяжелых складок деревьев ко мне несется:

— На помощь!.. Скорее, Андрей!

Сердце мое — волшебный поющий ящик; ноги, как пружины, швыряют меня через кусты. Я бегу. Я бегу навстречу ветру, навстречу льющемуся с неба золотистому вину, навстречу звонкому зовущему смеху...

Я бегу...

* * *

... Вечером темно - синее небо, как чаша, над нашими головами...

От горы черная тень по домам. Только с балкона училища виноградные сплетения виснут вниз драгоценной мантией, изузоренной золотым шитьем.

Далеко в садах запутался молодой красавец — месяц — в черных цепких ветвях... Не выбраться ему из ласковых рук. Не уйти.

Тихую и загадочную музыку создает месячный вечер...

... Оплетен забор тенями.

Ночь ступила на крыльцо...

За садами, тополями,

За сквозными кружевами

Месяц вырезал кольцо.

В тополях повисли гнезда...

Завертелись ведьмы в пляске...

Слушать месяцевы сказки

Прилетели с неба звезды...

... Вяжут ветви рукоделье...

От лужков и перелесиц

По кустам гудит веселье:

Скачут ведьмы, курят зелье...

А в гнезде уселся месяц...

... Вечером алмазные нити ткут вверх сказочно-прекрасный звездный узор, там — в далеком синем небе... И здесь в глаза мне глядят две милые звездочки, и душа поет радостную ночную песню.

Гедвика тихая и послушная, тесно прильнув ко мне, слушает, о чем я ей рассказываю. А рассказать мне есть что... Что мне до всего? Я знаю, что вот сейчас — а не вечность-ли это? — меня любят как бога, что еще долга звездная ночь, что в глаза мне близкие милые смотрят любящие очи... И душа моя ширится, растет силой, и радость, как свет, поет в душе...

Так текут ночи...

* * *

Будни мне великими праздниками, но новое воскресенье — горькая полынь. И дух бунтует...

... — Ни у одного из животных, ни у одной породы зверей — нет огня; лишь — у человека. И человеком стал человек — когда нашел и понял огонь. У каждого народа — свой огонь... А если еще нет — надо найти. —

Вода в зеленом озере чиста и прозрачна. Наверное, если хорошенько присмотреться, можно в глубине разглядеть всякую водяную нежить...

Янко, серолицый однорукий парень — племянник деревенской лавчоницы, сидя на траве, внимательно следит за удочкой и слушает меня. Волосы у него длинные и лохматые, как у Федорова.

— Мой народ — сильный и красочный молодой боец. Мой народ с колыбели владеет мечом и столетия вел сказочную борьбу за свои могилы, за свою Веру. Когданибудь я расскажу тебе, кто такие были: Степан Разин, Кондратий Булавин и другие. Я буду искать огонь своему народу. И я найду его, — настойчиво говорю я.

Янко читал немало всяких книг и кое-что понимает из того, о чем я сейчас повествую. Он смотрит на меня во все глаза и проникается ко мне почтением: „Вот какой умный человек, пан Андрей. Ка-кой удивительно замечательный человек“...

С Янком мы давно знакомы; часто ходим вместе ловить рыбу к озеру, валяемся на траве и слушаем, о чем молчит замороженный кем-то лес...

В свою очередь и Янко, насаживая на крючок вишню, делится со мной соображениями и рассказывает новости.

— А вчера слечна Гедвика перед нашей лавкой с велосипедом растянулась! — Янко смеется, — она такая веселая!.. Просила в городе подыскать ей новую мороженницу.

Э, дубина. Дернул-же его дьявол за язык. О чем заболтал. Он в нее влюблен до одурения. Тоже вздыхатель нашелся. Калека.

Я разваливаюсь на траве и говорю этому влюбленному для охлаждения несколько теплых слов.

— Женщина прежде всего ищет красивого самца; даже самая умная из них против такого не устоит. Ей вовсе не нужно, чтобы ее любили; она над такими смеется и у таких ей нравится преклонение. Но сильному и красивому самцу она сама преклоняется. Жизнь и любовь женщины, мой дорогой, только сильным. Это давно сказано. А слабым и уродам — дуля под нос. —

Я наблюдаю, как постепенно сереет еще больше худое лицо Янка. Ну и ладно. И хлещу дальше: — Думаешь, слечна Гедвика — что? Тоже, друг, она — как и все. О том, что ты в своих книжках читаешь, в жизни и похожего нет. Все там враки и пустая болтовня. Мир — для сильных, слабым — ничего.

— Вы никогда так не говорили о слечне Гедвике, — весь скорчившись, почти шепчет Янко.

— Ну, а теперь говорю. Правду вообще люди говорят редко.

Надо итти заниматься, да и обедать пора.

Я встаю. Янко дрожащей рукой заматывает удочку.

С неба ковшами летящее душистое золотое вино. Синий фимнам курится по корням в сосновом лесу за озером... И деревья — строгие монахи в черно-зеленых одеяниях, подняв головы к небу, шепчут Светоносному Богу мудрые и беззлые молитвы...

* * *

Длинная белая игла подняла ржавое острие в далекое небо. Во дворе костела зелень разбежалась прихотливым ковром и по каменным ступеням расплескалась зелеными пучками...

Смуглое лицо Гедвики — бледновато и устало, а под глазами — тени. На ней свободная белая блуза и широкая синяя юбка в складках... Ей-Богу, она вовсе неинтересна, а усталость ее портит еще больше.

Отвечая на ее приветствие, я кланяюсь. Глаза ее пристально смотрят на меня; но мой поклон ей, видимо, не нравится. Уж не прикажете-ли стать на колени?

Оттого-ли, что мы неделю не виделись — оба мы молчим. Наконец, она вспоминает:

— Папа просил извиниться, что завез вашу книгу в город. Он придет не позже, как через неделю.

Я опять молча кланяюсь... Она, повидимому, сильно не в духе. Мой поклон ее раздражает. Напрасно. Я нынче тоже не в миролюбивом настроении.

Быстро вскинутые глаза ее упираются в мой торжествующий взгляд и опускаются... И вдруг она усмехается и медленно говорит:

— Вы и Янку, кажется, про „огонь“ рассказывали?

Ах, вот что?.. Я чувствую, что губы мои начинают дрожать...

Я глубоко сую руку в карман и твердо говорю:

— О чем я с ним говорил, вам, полагаю, знать незачем.

На лице ее — удивление, но сейчас-же брови гневно сдвигаются:

— Вы, невежливый, пане.

Пане?.. Ого, как сказано.

Она уходит... Ах, дьявол меня разорви!..

Она уходит...

* * *

Вечером в полутемной гостинице битком набито. Сквозь едкий табачный дым еле-еле светится желтый огонек лампы...

В субботу деревенские седлаки вокруг большого стола режутся в карты, с весельем и ожесточением шлепают по столу и дуют пиво. Загорелые лица и жилистые руки мелькают и исчезают в густом синем дыму.

Огромный красный рубин — покоится в винном стакане и, преломив тусклый луч света, мечет на стол золотой знак. Я сижу за отдельным столиком у окна. Но вино дает мало опьянения. Из угла, чувствую, синеглазая дочка трактирщика Тереза в белом переднике — внимательно смотрит на меня. Тереза чуть-ли не самая близкая подруга Гедвики. У нее тоже есть жених и он скоро, вероятно, придет сюда.

Игроки о чем-то громко заспорили.

Я знаю, что близящаяся ночь наполнила улицу меланхолической тишиной, а небо — острыми серебряными звездами, и что около мельницы и мимо кабака

прогуливаются: студент в пенсне и Гедвика. Мне кажется, что я даже различаю в чернеющем воздухе красно-золотой огонек папирсы, там — у мельницы...

И мне становится страшно тяжело одному...

... — Эй, Тереза! Получи за вино...

И выхожу. На улице догоняет меня Тереза и возвращает сдачу; и, когда я отмахиваюсь, она смеясь запихивает мне деньги в карман. И во тьме глаза ее смотрят на меня ласково и сочувствуя.

Ей хочется, видимо, чем-нибудь ободрить меня.

... Я вижу близящийся по-над стенами черных садов огонек и белое платье... Так и есть; это, конечно, они.

— *Bonsoir monsieur et mademoiselle!* — развязно здороваюсь я и, получив немного сдержанное приветствие, нисколько не смущаюсь.

В голове у меня шумит... Я бестолково машу руками, говорю и делаю прозрачные намеки.

— Ну-ну... Конечно-же, гуляли и больше ничего?.. Любовались приятной и э-э... поэтической ночью? Хорошее дело, что и говорить!.. — я наклоняюсь к студенту, хитро подмигиваю и многозначительно говорю: — Да еще с приятной девицей... а? правда недурно? — и покровительственно хлопаю его по плечу.

На лице Гедвики сквозь вечернюю сумеречность — глубокое удивление. Но я вхожу в азарт и распоясываюсь окончательно.

— Безусловно мечтали?.. Ромео и Джульета... И не зря, ей-Богу, не зря!.. Вы, пожалуй, сойдете за Джульету... Но, вы?.. Вы — не Ромео. Нет-нет, вы вовсе не Ромео... нет, нет и нет... — я отчаянно отмахиваюсь обеими руками.

„К чему, черт меня возьми, я эту чушь несу?..“ Студент слушает меня вежливо, даже с каким-то участием. Он догадывается обо всем и не сердится за фамильярность. И отвечает любезно, без тени холодности. А Гедвика?.. Удивление давно сошло с ее бровей — она догадалась, что я пьян, и уголки губ у нее чуть брезгливо опустились...

Я еще некоторое время бормочу ерунду, веду себя вовсе скверно; неудачно снова пробую поддеть студента. Но остроты мои плоски и грубы и отдают кабацким духом. Студенту, видно, становится меня просто жалко. Гедвика молчит. Я вижу, что беспросветно надоел. Тогда я внезапно смущаюсь и замолкаю... Потом неловко прошачусь, не удерживаюсь, чтобы не помахать им вслед рукой, и иду к себе:

— Э, все равно. Пусть думает, что хочет...

В голове у меня шумит... Ну-ка еще пару стаканов вина...

Как быстро наступила ночь. Будто черное покрывало закрыло небо и повисло над садами... В улицах тихо и пусто... Один я, вопя источным голосом песню, добираюсь по улице до квартиры, валюсь на кровать... и засыпаю тяжелым сном, полным нелепых болей и мучений...

(Окончание следует).

■■■■■■■■■■

Гнат Макуха.
(Осек. Югославия).

* * *

Тим, хто за волю Кубані загинув,
Тим, хто до смерті рушниці не кинув,
Кров'ю облив своє рідне рілля, —
Вічна пам'ять! Пером їм земля.

Тим, хто на користь Кубані працює,
Кров'ю їй волю і зараз купує,
В хаті живе хто без стріхи і стін,
В лісі, чи в плавні — земний мій поклон.

Тим, хто у драній свитині
Волю Кубані кує і в чужині,
Хрест сей бажає до смерті нести —
Слава вам, слава!.. і слава, брати!

Тим, хто продав ворогам нашу долю —
Кинув нещасну Кубань у неволю,
Зрадив, пішов у ворожі стани,
Скажем: прокляття, невірні сини!

■■■■■■■■■■

С. Нальянч.

КОЛОСЬ Я.

(Из „Евангелия полей“ Е. Маланюка).

С украинского.

1.

Все казалось, что там, за селом,
На горе, у большого креста,
Легкий ветер коснется крылом —
И увидим мы сразу Христа.

В золотистой горячей пыли
О прохладе мечтал небосклон,
А в протяжном дыхании земли
Неразгаданный слышался стон.

Колосились родные места,
Урожай цвело торжество...
Так дошли мы одни до креста,
Так не встретили мы никого.

Но зато побелел небосклон,
И на нем, над простором степным,
Будто Божий простерся хитон,
Задрожал и растаял, как дым.

2.

Полдень Библию лета прославил
На страницах полей золотых.
Легкий ветер, как ангел, расправил
Над колосьями крылья — и стих.

Но, пророка божественный голос
И Мессию над морем пшениц,
Нам звенит обещанием колос
И, подкошенный, падает ниц.

Все забыто в сверкающем мире —
Сокрушенье, сомненье и ложь.
Книгой Руфи по царственной шири
Развернулись пшеница и рожь.

Славят Бога звенящие косы,
Славят Бога поля без границ,
Васильки и стрекозы, и осы
И далекое пение жниц.

Ахмед Цалыккаты.

Память о мертвых.

„Туг тугей ахшадеу“. — (Кровь смывается кровью).
Осетинская поговорка.

— Стой! — сдерживая высокого гнедого коня, запрявшего тонкими кабардинскими ушами и нервно закусившего удила, кидает нам повелительно Тох. — Лучшего места для ночлега мы не найдем. Свернем в сторону и вот там, на прогалине, расположимся на отдых.

Тох, не торопясь, плавно величественным движением руки подымает плеть и, повернувшись в седле, показывает на обозначившуюся за чащей буков и дубков прогалину, влево от нашей дороги.

Для нас заявление Тоба — приказ. И когда Тох, тронув коня, сворачивает в сторону, мы — Дато и я, подобрав поводья, беспрекословно и почтительно следуем за нашим вожатым:

— Тут! — глухо произносит Тох. Останавливает коня и не успевает перебросить ногу с седла, как я уже готов: держу правой рукой поводья коня Тоба, а левой поддерживаю стремя.

Несмотря на возраст, с юношеской легкостью, бесшумно соскакивает Тох на землю.

— Живи много лет, мальчик! — обращается он ко мне, передавая коня. — Хвала Богу, находясь среди русских, ты не забыл обычаев, оставшихся нам от отцов: „уже в телянке виден будущий вол“ — так говорили наши отцы. Великая мудрость! „Из под шиповника растет шиповник“, — разве это не правда? И это тоже мудрость наших предков.

Он наставительно подымает указательный палец левой руки, и я вижу, как сливаются в одну дугу его пепельного цвета густые, клочковатые брови, и взор его пронизывает меня насковозь.

Дато тоже одновременно со мной соскакивает с коня и, как подобает благовоспитанному младшему, поддерживает сентенции, высказанные Тохом: — правильно, добрый старший, правильно, — говорит он в то время, как я принимаю коня и от него.

Я отвожу коней в сторону. Вынимаю железо из их ртов, облегчаю подруги и, поведив некоторое время, чтобы они остыли, стреноживаю — сначала гнедого мерина Тоба, а потом Дато и своего. Ни у Дато, ни у меня треногов не оказывается, и я поводьями обвязываю

ваю бабки наших коней, а концы поводьев привязываю к стременам.

Кони, отдуваясь и фыркая, жадно набрасываются на покрытую росой сочную лесную траву.

Когда я возвращаюсь к старшим, то у них уже весело трещит костер. Около костра положены бурки.

Дато, стоя на коленях, роется в переметных сумках, снятых им со своего седла, и вынимает оттуда вкусные съедобные вещи: вареную, всю заплывшую желтоватым жиром, курицу, овечий сыр, лук, чурек из белой пшеничной муки, яйца в крутую и уже очищенные от скорлупы.

Рядом на бурке сидит на корточках Тох. Он неподвижен, как статуя. Бесстрастным взором следит за проворными движениями Дато.

Импровизированный стол готов. Курица хорошо сварена и разделить ее не представляет для Дато особого труда. Сыр и хлеб расположились на бурке тонкими манящими ломтями. Для этой операции Дато вынул с тыльной стороны широкого, покрытого черным сафьяном, кинжала, из искусно проделанного ложа, продолговатый ножичек с черной роговой ручкой. Он очень проворно работает этим ножичком.

— Садись и ты, мальчик! — обращается ко мне Тох, после того как Дато заканчивает свои приготовления.

Я отрицательно качаю головой.

Будто для подтверждения своего отрицания, крепче сжимаю кинжал, на рукоятку которого опираюсь обеими руками, держа его перпендикулярно земле, и перемещаю ноги, оттянув назад находившуюся впереди левую и поставив на ее место — правую.

Мой стан крепко охвачен ремнем, а узкая черкеска в талии облегает как перчатка, сжимает мне бока, но мне нравится это состояние стянутых и напряженных мускулов тела.

— Садись, говорю я тебе! — повторяет Тох еще более повелительно. — Мы в дороге и к тому же ты не обыкновенный осетинский аульный мальчик!

И когда он, тряхнув головой, еще раз предлагает мне с едва уловимым раздражением:

— Садись!

Я быстро приседаю на корточки у края бурки, на которой расположились мои старшие.

Преломляя хлеб, Тох молитвенно шепчет:

— Бисмилляги! *)

И не спеша подносит ко рту небольшой кусок. Долго сосредоточенно жует.

То же проделываем и мы.

В молчании, чинно проходит наша трапеза. Мы очень голодны, но стыдно осетину показывать, что он чувствует голод, и быть торопливым и жадным в еде.

Тьма быстро надвигается, густой пеленой окутывая нас со всех сторон. Теряются контуры предметов, погружающихся и исчезающих в этой тьме. В небе ни одной звездочки. Не видно и близко расположенных горных вершин, покрытых вечными снегами. Только откуда-то с высот сползает холод и начинает пробираться к телу сквозь вату наших теплых зимних бешметов.

Надвигалась одна из тех темных кавказских ночей, которые во все времена являлись излюбленными для рыцарей опасных походов.

Тихо. Только иногда над головой завоет жалобно ветер. Зашелестят увядшие листья, и я чувствую, как все эти звуки отдаются в моем сердце грустью. Мне чудится сказка леса осеннего, увядающего.

В эту сказку грубой прозой врывается фыркание наших стреноженных коней.

Я отчетливо различаю — хриплое чавканье гнедого мерина Тоха, самодовольное посапывание моего легкомысленного пегого конька, только что вступившего в весеннюю пору жизни, и солидное покашливание видавшего много видов, вороного красавца Дато.

Трапеза кончена.

— Аль хамдуллиля! **) — произносит Тох и концами пальцев обеих рук проводит по коротко подстриженной, рыжеватой с проседью, бородке.

Сидим молча.

Только теперь разрешаю я себе украдкой изподлобья взглянуть на Тоха. Отблеск костра падает на его лицо и придает ему фантастический вид. Широкий рубец — удар шашки или кинжала рассекает его правую щеку почти от глаза, ближе к уху, до изгиба челюсти. Что-то зловещее чудится в этом рубце. Нос тонкий и горбатый, скорей чеченский, чем осетинский, торчит хищно и дерзко. Глаза маленькие, в глубоких впадинах, сверкают сейчас раскаленными угольками, как глаза голодного волка в лесу близ стада овец — в них искры костра. Усы коротко подстрижены и обнажают бледную линию губ, сжатых в презрительно-спокойном изгибе.

Он сидит прямо, и я вижу его высокий стан, крепко стянутый ремнем, на котором висит небольшой, но широкий черный кинжал, лишенный каких-бы то ни было украшений. Он худощав и мускулист — будто весь организм его состоит из одних переплетенных между собой сухожилий, прочных как стальные прутья.

Около него карабин, из которого, как говорит молва, Тох не дает промаха даже по летящей птице. Патронташ, туго набитый вестниками смерти, прикурнул на его коленях, свернутый змеей.

Так вот он, этот Тох, всю жизнь проводивший в скитаниях по лесам.

Молчит Тох, погруженный в думы. Молчим и мы — неудобно нам, младшим, прерывать это молчание.

Но тем сильнее работает моя фантазия, и радостно бьется сердце, жаждущее приключений и тревог...

* * *

Я только что кончил гимназию, где в четырех стенах пансиона провел лучшие отроческие годы, выезжая домой, в родной аул, лишь на кратковременные летние каникулы. Как ни старалась гимназия привить мне добродетели, которыми должен обладать всякий благона-

*) „Во Имя Бога“ — начало молитвы.

**) Хвала Аллаху!

меренный российский обыватель, — моя душа не поддавалась переработке — она была полна романтических грез и порывов. Не даром моим любимым поэтом был Лермонтов. Его поэму „Мцыри“ я знал наизусть. Моими любимыми стихами были:

... О, я как брат

Обняться с бурей был бы рад!

Глазами тучи я следил,

Рукою молнию ловил!.

Жить в мире тревог и опасностей казалось мне единственным счастьем, достойным мужчины.

Не мудрено, что мне дома стало очень скучно с честными труженниками, чья жизнь проходит в муравьином труде земледельца размеренно и однообразно, и меня потянуло к тем, о которых ходила „дурная молва“. Человеческая личность, не укладывающаяся в рамки обыденности — вот что непреодолимо влекло меня к себе и, не скрою, я очень обрадовался, когда мой родственник Дато, тоже человек „дурной славы“, — обещал мне устроить встречу с абреком *) Тохом.

Вот почему в эту осеннюю ночь я, редкий в горах питомец русской культуры и будущий храбрый юнкер кавалерийского училища, оказался в обществе абрека Тоха...

* * *

... Мне хочется вызвать старика на разговор. Сколько занимательных приключений в его жизни!.. Но он упорно молчит, и я не смею прервать этого молчания...

Но вот Тох, тяжело вздохнув, зашевелил губами, как будто говоря сам с собой:

— Стар стал... Скоро конец...

Встряхиваемся и выходим из оцепенения и мы с Дато. А старик продолжает шевелить губами, и мы едва слышим:

— Га... было время, — Тох качает головой, — много погулял я по этому лесу. Исходил все его тропы, спал на корнях и листьях. Ползал по горам. Жил в пещерах... Давно... давно бросил родной очаг... Вот таким, как ты, мальчик!

Мгновенье смотрит на меня Тох, и я чувствую в его взгляде необычайную ласку, столь негармонирующую с суровым выражением его лица. А потом он продолжает, но уже задумчиво.

— Мы были кровниками. И те, — да будет им пищей на том свете голова осла! — оказались сильнее нас. В борьбе погиб мой род. В живых осталось только трое: отец мой, старший брат да я. Были черные дни в жизни, но наступил день, который оказался еще черней. Не стало и этих близких мне по крови людей...

Тяжело вздохнув, Тох приподымает левую руку и, зажав в кулак большой палец, махая рукой, отчеканивает каждое слово:

— Тридцать лет в моих ушах только один звук —

голос умирающего отца: — не продавай моей крови **).

— И с тех пор все, что осталось мне в жизни, — Тох глубже надвигает папаху на лоб, будто желая скрыть тяжесть воспоминаний, и произносит глухо, выдержав большую паузу:

— Это память о мертвых.

Тихо... Шелестят листья... Слышен хруст травы, поедаемой нашими конями, и вдруг неожиданно в ночную мглу врывается плач:

— У-гу-гу!.. У-гу-гу!.. У-гу!.. У-ге-ге!..

Я вздрагиваю. Мне жутко. Молчим. Проходит несколько тягостных мгновений.

— У-гу!.. У-гу!.. продолжают зловещие звуки. То поет свою серенаду царь ночи — филин. И чудится, что

*) Абрек — отщепенец, разбойник. Особый тип кавказских разбойников, иногда не лишенных рыцарских черт характера.

**) Примирение между враждующими родами может состояться при условии уплаты выкупа (пени) за кровь. После этой уплаты кровничество прекращается.

тьма, окутавшая нас, таит в себе недоброе, и томит мрачным предчувствием однообразный шелест листьев.

Дато бросает несколько сухих сучьев в костер. Огонь притухает. Сучья начинают шипеть и трещать. Становится еще темней и, вместе с тем, беспокойней на душе. Но вот огонь с края костра вырывается на свободу и, охватив вновь подброшенные сучья красными языками, высоко подымается ярким победным пламенем.

Вместе с этим пламенем и в моей душе загораются огни неведомого торжества.

Я вновь переношу свое внимание на Тоху. Он неподвижен. Глаза его закрыты, — едва видны очерченная бровей из под сетки волос мохнатой папахи, надвинутой на лоб. Он перекладывает карабин с одного бока на другой, полукрывает глаза и несколько раз качает головой. Снова неподвижен. Вдыхает глубоко и, обращаясь ко мне, говорит:

— Так-то мальчик... Так... Где тебе знать правду, которую завещали нам наши предки. И много-ль теперь осталось тех, кто хотел бы следовать этой правде?.. А я помнил о них всю жизнь. Так, мальчик, так...

И Тох начинает рассказывать — как помнил он о мертвых.

Раз ночью он стучит у ворот:

— Эй, Тасо, отвори ворота, усталый путник просит у тебя гостеприимства!

Отворяются ворота, и показывается Тасо с винтовкой в руках. Выстрел — и падает Тасо. Падает, чтобы никогда больше не встать. А Тох бежит в лес, чтобы тоже никогда не вернуться больше под отчий кров. Ведь он помнит завет отца. Никогда он не возьмет платы за кровь.

Абрек! Отщепенец!

Рассказывает Тох эпопею своих абреческих скитаний.

Чутко настороженно слежу я за его рассказом.

Отныне пещеры и логовища, в которых вместо матраца — валежник и листья, служат ему местом отдохновения и приюта. Тайными тропами пробирается он по лесу и осторожно выезжает на дорогу. Закрыто лицо его башлыком, концы которого закинута назад и глухо завязаны. Их не треплет ветер, как у других, у которых они развеваются сзади, как крылья птицы. Не видно лица Тоху. Только глаза сверкают из под надвинутой папахи.

Знает Тох, что не ждаться ему пощады, если судьба столкнет его с его врагами. И сам он не знает пощады. Редко щелкает он плетью коня, а, если щелкает, то треск несется по лесу, как револьверный выстрел, и заставляет догадываться путников, пробирающихся по лесу, что отважный джигит едет им навстречу. Кто? Друг и враг? И всматриваются путники в лицо наездника и думают, кто бы мог быть этот опасный человек, — а разгадать не могут.

Молча проезжает Тох, не посылая обычного приветствия.

И чувствует Тох, как в спину ему устремляются встревоженные людские взгляды и из уст в уста несется зловещий шопот:

— Абрек!

Да, он абрек — отщепенец. Не вернуться ему больше никогда в мирное людское общество. Он помнит завет. Он не возьмет платы за кровь. В презрительную гримасу сжаты его тонкие губы и гордо поворачивает он во все стороны свою голову, над которой летают ангелы смерти. Да, он знает, — что не для него несется вот оттуда с макушки утеса, нависшего над дорогой, веселая песенка пастушка, а попадающийся навстречу буйный и хмельной свадебный кортеж заставляет его углубиться в чащу леса.

Ему не поминать покойников на обильной возлиянием похоронной тризне и, стоя почтительно на низах *) перед старейшими, ему не выслушивать мудрых слов седобородых старцев, которыми они так любят вразумлять жаждущую познания жизни молодость. Все

*) Собрание стариков.

не для него. Не знать ему уюта домашнего очага, радости отца в кругу семьи и чувства покоя под защитой сильного и славного рода.

Лесной волк! Один, враждебный всем...

— Абрек!..

— Во имя чего?

— Во имя любви к мертвым!

Во имя любви к мертвым, — ненависть к живым...

Таков его жребий!..

Кто он: идеалист, подвижник, герой или гнусный убийца и разбойник? Любовь и ненависть! Как тесно переплетены вы между собой!

В первый раз человеческая жизнь становится для меня сложной и загадочной.

И я едва слышу, как прерывает свой рассказ Тох жалобой:

— Ушло все... ушло... Куда? Кто знает? Все меняется. Даже тот старый лес шумит не так, как прежде. Тох поворачивает голову, смотрит в темноту, прислушивается к шуму леса. — Ушло? — качает головой, — куда? Знает только один Аллах...

Порыв ветра кидает на колени Тоху пожелтевший дубовый листок. Тох осторожно берет за кончик лист, подымает его на свет костра и долго смотрит, а потом говорит меланхолически:

— Вот лист... пожелтевший. Оторванный от родного дерева. Ветер гонит его взад и вперед. Мочит дождь. Без приюта он. Так и я...

Тох бросает лист в огонь. И мы молча наблюдаем, как пламя мгновенно охватывает лист со всех сторон.

— И все же не жалко, — продолжает Тох. Гримаза улыбки пробегает по его бледным губам. — Да, я хорошо прожил. Как нужно жить мужчине. Обо мне не скоро забудут...

Молчим... Снова пауза... Трещат в костре сухие сучья... Тишина... Жутко... Призраки прошлого проносятся над нашими головами. То, что было давно... давно... Куда все уходит? — щемит сердце. Томят мысли о жизни...

Молчим.

... Треск ломающихся сучьев заставляет меня вздрогнуть. Мне кажется, что кабан прокладывает себе дорогу в валежнике.

Тох быстро поворачивает голову в ту сторону леса, откуда донесся этот подозрительный шум и весь обращается в слух. Мускулы лица его стянуты. Ближе к рукам прибирает карабин. Снова треск...

Тох вскакивает. Всканиваем со своих мест и мы с Дато.

— Трах!.. и вслед отзвук: — Тра — трах!.. Тох качается. Карабин выпадает из его рук. Он рвет на груди череску судорожными усилиями и падает навзничь.

— В сторону! — заглушенно кидает мне Дато.

Дато бросается от кустра в тень леса и, с винтовкой у плеча, на боевой изготовке, опускается на корточки. Прячусь в тень и я, тоже с винтовкой в руках.

Но тихо, даже шелеста листьев не слышно. Тихо до жуткости. Расширяются зрачки моих глаз и впиваются в тьму леса. Учащенно бьется сердце. Я жду неведомого. Опасного. Я готов. Мускулы мои напряжены, дух бодр и жаждет борьбы... Жду... Тихо... Только у костра корчится в судорогах Тох.

— Аллах!.. Аллах!.. Умираю... — Слышен его предсмертный стон.

Мы подползаем к умирающему Тоху. Он царапает пальцами землю. Тело его бьется в конвульсиях. Вздрыгнув несколько раз, вытягивается и становится неподвижным.

Кончено... Гаснет костер... Темь непроглядная. Мы склоняемся над трупом, теперь еле различаемом во тьме.

И снова над нашими головами несется шелест листьев, жалобный и гонимый. Погребальная песня. Мне кажется, что в непроглядной тьме ночи неведомая безжалостная судьба хоронит и прошлое и настоящее... Жизнь?.. Что такое жизнь? Жизнь и смерть?! Тьма захватила в свои объятия тело Тоху, и никто и ничто не в состоянии вырвать его больше из этой всепоглощающей бездны. И это все?

И это конец? — Радостей и мук, порывов и бед?! И моя жизнь может быть также внезапно оборвана вестником смерти из тьмы?! Эта мысль колет мое сердце. — Это все?.. Не может быть! Я не хочу примириться с этой мыслью. Я чувствую, как бешенство распускает свои крылья в моей груди и начинает в ней метаться. Я должен бросить вызов неведомому врагу, который так издевается над жизнью человека...

Вне себя я вскакиваю. Вскидываю на плечо вин-

товку. Спускаю курок. Стреляю в тьму, наугад. И одновременно пронизывают мглу ночи звук выстрела и дикий крик, вырвавшийся из моей груди:

— Трах! — Га — га!..

— Что ты, с ума сошел! — хватает меня за руку Дато, — что ты кричишь? Куда стреляешь?..

Ночная птица, встревоженная шумом, появляется над нашими головами и, неуклюже хлопнув большими крыльями, исчезает во тьме.

Борис Кундрючков.
(Загреб).

Из цикла „Голутвенные песни“.

* * *

Тонко прожужжавши, как пчела,
Задрожавши белым опереньем,
Захлебнувшись змеиным пеньем —
У копыт вонзилася стрела.
Обернулся в гневном удивленьи,
Затянул порывно поводка,
Рукоятка руку обожгла
В сладостном и злом прикосновеньи.
Видел — три неслись, догоняя,
И четвертый, связанный в седле —
Бледной тенью замороженной в окне,
Бледной тенью солнце затемняя.
Сам воздушный, стройный, как тростник,
Разметавший косы золотые...
— Целовались клинки стальные, —
А потом к губам я розовым приник!
Северянка дальними снегами
Заморозила мой порванный шатер —
Степь смутил смертельной болью взор,
Напоенный знойными ночами.
Трогала боярские кафтаны,
Примеряла блеклые шелка,
— Конь летел домой, издалека
О тоске шептали мне курганы...
И рождались удивление и страх...
Кто-то в сердце — звать его: „за... кон!“
Как-бы мне поймать его в полон
Да петлю задавить его в степях...

Константин Поляков.
(Брно).

* * *

Заржали трубы железным ржаньем,
Взметнулись кони на дыбы.
Я — властелин своим желаньям, —
Довольно быть рабом судьбы...

Пронзаю ночь орлиным взглядом
И ясно вижу светлый день.
Кто силен духом, со мною рядом
Пойдет искать былого тень.

Кто встретит смехом пулю злую,
Врага оставит без меча, —
В ночь непогожую, глухую
Найдет сиянье пернача.

Тот позолоту вновь наложит
На купола родных церквей
И в день сияющий, погожий
Услышит песню ковылей...

Заржали трубы железным ржаньем
Нас Дон зовет, — гей! шире шаг!
Сольемся все в одном желаньи:
Чтоб казаком вновь стал казак!

21/1 1926.

Русская политическая мысль и казачество.

Существуют среди казачества разные политические группировки. Эти группировки, каждая по своему, разрешают основной вопрос будущности казачества — его отношение к настоящей и будущей России (Великороссии) и о своем „месте под солнцем“.

В спорах, которые ведутся между казачеством на эту тему, очень часто „Россия“ заменяется „русской властью“ и, наоборот, „русская власть“ — „Россией“. Почти всегда казацки сторонники „единой и неделимой“ все зло, все насилие и несправедливость, какие когда-либо были совершены над казачеством (это даже и они признают!), — неизменно приписывают русской власти, но не России самой, которую они в таких случаях старательно отделяют от ее госу-

дарственной власти. И почти всегда при этом высказывается „твердая“ уверенность, что совершенные в адрес казачества кривды исправит или „Россия будущего“ или сам русский народ, который „посчитается“, наконец, со своею властью и полным рублем уплатит казачеству за грехи этой своей „ненавидимой“ им власти. Одно только здесь не договаривается: неизвестно, когда это будет. На наших глазах правит Россией уже третья власть, возможно, что скоро будет четвертая, но воз некоторых казачьих надежд и мечтаний... „и ныне там“.

Не будем вообще останавливаться на вопросе, поскольку можно проводить грань между властью и народом в одном и том же государстве. Вернее, пожалуй, другое общее положение,

что каждый народ достоин своей власти и каждая власть достойна своего народа.

Но, вместе с „оптимистами“, сделаем самое лучшее предположение, что русский народ сам, в конце-концов, „возьмется за разум“ и поставит над собою „своею волею“ власть такую, какая ему будет угодна. Каков бы ни был государственный строй этой будущей России (предположим, что он будет самый демократический) и какова бы ни была эта власть, бесспорно одно, что и при организации государства — „России будущего“ — и при организации ее государственной власти, найдет свое выражение и осуществление организованная политическая и общественная мысль разных русских политических партий и группировок.

Посмотрим же, как разрешала и разрешает вопрос о казачестве русская политическая мысль, организованная и неорганизованная в политические партии и группировки, т. е. ближе присмотримся к возможным „претендентам“ на русскую власть в прошлом и настоящем. Знание прошлого даст нам некоторое предвидение будущего.

Первой русской политической организацией, ставившей перед собою задачи государственного переустройства России и создания новой власти (Конституции), были декабристы. Из всего казачества, декабристы в своих конституционных проектах уделили некоторое место только Дону. Но и среди декабристов не было единодушия по вопросу о будущем государственном строе России, они сами делились на централистов и децентралистов.

Сторонник большего децентрализма Н. Муравьев отводил Дону, в преобразованной согласно его мыслям России, место „области“, т. е. по тогдашнему пониманию — штата русской федерации.

Большой централист Пестель хотя и помещал казаков среди различных племен, присоединенных к России, но решение будущего Казачьих Войск, кроме Донского, он оставлял „усмотрению и решению временного Верховного Правления“. Согласно его мысли, только донцы должны были составлять „особенный отдельный округ под названием Донского удела“, т. е. Пестель предоставлял, и то только донцам, что-то вроде автономии.

Донские Атаманы, назначаемые центральной государственной властью, должны были служить укреплению государства Российского „единого и неразделимого“ Муравьевскую мысль о „федерации“ Пестель „отвергал совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло“.

После разгрома Николаем I декабристов, русская политическая мысль надолго хоронится. Либеральное и революционное движения начинают оживать только в царствование Александра II.

Русский либерализм того времени нашел некоторое практическое применение своих сил в земском самоуправлении; революционная же русская мысль поставила во главу угла идеи и лозунги не политические, а социальные, предполагая, очевидно, к „политическому“ придти через

„социальное“. Наоборот было и есть в остальном мире. Русские революционеры того времени не столько боролись с самодержавием царей за политическую свободу, сколько мстили им за „социальную несправедливость“. Естественно поэтому, что вопросы государственного (политического) переустройства России ими почти не разрабатывались.

Вопросы политические, вопросы русской конституции (государственного устройства) начинают понемногу становиться на очередь дня только к концу XIX ст.

„Земский Союз“ (1882) рассматривал Российское Государство „как вполне самостоятельный политический организм и в то же время, как союз народов и племен“ (цитируем по Г. Святикову „Россия и Дон“). Этим довольно неопределенным конституционным („федеральным!“) проектом Россия делилась на самоуправляющиеся области. Эти области должны были „значительно превосходить размеры губернии, за единственным, быть может, исключением земель казачьих войск, покуда общий ход прогресса не изгладит окончательно эту отживающую форму самоуправления“.

К концу XIX и в начале XX ст. начали создаваться русские политические партии. Как же они разрешали вопрос о русском государственном строе и месте в нем (в русском государстве) Казачества?

Прежде всего следует отметить, что хотя различные (почти все) политические партии старались о распространении своих взглядов (программ) и в Казачьих Краях, но толщи казачьей они так и не коснулись. Казачества не привлекла в свои ряды ни одна из русских политических партий. Исключение составляли города с пришлым русским населением и в небольшой мере „ополитичилась“ некоторая часть казачьей интеллигенции.

Разные партии слишком по разному решали вопрос о государственном строе России и по разному же решали и долю Казачества. Но в большинстве случаев вопрос о казачестве вращался между сохранением его и на будущее как „сословия“ для „опоры власти“ (тогда самодержавной царской) и полной ликвидацией этого „анахронизма“ — „пережитка старины“.

Партия Народного Права, возникшая в 90 г. г. прошлого столетия, смотрела на Россию не как на однородное политическое целое, а считала ее очень сложным конгломератом разнообразных общественно-экономических и национальных образований и высказалась поэтому за федеративное устройство России. О праве Казачества на свою „федерацию“ партия не говорила ничего.

Вообще следует резко подчеркнуть одно очень характерное обстоятельство даже для тех русских политических партий и группировок, которые мыслили или мыслят будущую Россию как федерацию. Признав принцип федеративного устройства России, они ограничивают число тех, кто имеет (по их) право на то, чтобы быть равноправным членом этой федерации. И никто

из них не признал такого права за Казачьими Землями. Это общее положение казакам нужно твердо усвоить и никогда не забывать. Мало того, когда какая-либо из русских политических партий или группировок скажет, что она хочет или соглашается на федеративное устройство России, — надо всегда точно установить, за кем признается право на эту федерацию. Вот, ведь и сейчас есть и С.С.С.Р и Р.С.Ф.С.Р., а Казачьи Земли никаких прав ни на федерацию, ни на автономию, ни даже на настоящее „самоуправление не имеют, а разделенные и поделенные, пребывают на положении далеко худшем, чем обыкновенные российские губернии и управляются пришлецами.

В 1895 году в Лондоне „Фонд Вольной Русской Прессы“ издал „проект русской конституции“ (автор неизвестен). Проект этот предусматривал разделение России на области во главе с областными сеймами. О Казачьих Краях — ни слова.

В 1899 году С. Шарапов, впоследствии глава Народной Партии, издал (в Берлине) проект государственного переустройства России, свою, как он сам говорит, „славянофильскую программу государственного устройства“. Программа эта сводилась к созданию земско-областной самоуправляющейся России под самодержавным царем. Одна из „областей“ этой „новой России“ — „Казачья Область“ — должна была состояться из части губ. Екатеринославской, части Дона, части Астрахани, Ставропольской и Черноморской губерний, Кубани и Терека. Проект предусматривал разделение Астраханщины и Дона, северная часть которого отходила к Воронежу. Во главе области должен был стоять генерал-губернатор, назначаемый царем.

В 1904—5 г.г. „Союз Освобождения“ предлагал уничтожить „области“ и „земли“ (казачьи) и поделить Россию на „земские“ губернии.

Нечто подобное предлагали в 1905 г. и представители общеземских съездов.

Возникшая в конце прошлого столетия, российская социал-демократическая рабочая партия, централистическая по существу, делала уступки „областному самоуправлению“ только для тех местностей, которые „отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения“ (имелись в виду главным образом тогдашняя Польша и Финляндия). Как показали позднейшие события (годы 1917 и последующие), одна из фракций этой партии — большевицкая права даже на такое „куцое“ областное самоуправление за Казачьими Краями не признала. Все мы знаем, что сделало теперь большевицкое русское правительство с Казачьими Землями, — очевидно не вопреки воле русского народа, но безусловно вопреки воле Казачества.

В 1906 году выступили социалисты-революционеры со своей идеей областных автономий. Одна из этих областей — „Юго-Восточная“ — составлялась из: Кубани, части Дона, Астраханской и Ставроп. губ., части Саратов. г., части Уральской области и северной части Терека. Проект

предусматривал, таким образом, раздел Дона, Терека и Урала.

Недавно, в пылу полемики против „Вольного Казачества“, Егор Лазарев, старейший с.-р. напомнил нам, что с.-р. были единственной партией, защищавшей федерацию еще до 1917 года. — С.-р. требовали, правда, „установления демократической республики с широкой автономией областей и общин“, но, что касается „федеративного начала“, то оно должно было быть применено только к „отношениям между отдельными национальностями“. А т. к. казаки, согласно эсерам, не „национальности“, то и эсеровский федеративный принцип к Казачьим Землям не относился. Наоборот, уже в том же 1906 г. эсеры вели кампанию за уничтожение казачества и передел его земель. Это же в 1917 г. подтвердил б. русский министр, эсер В. М. Чернов своим известным заявлением, что „казакам придется потесниться“.

Программа образовавшейся в 1905 году кадетской партии говорила о распространении „местного самоуправления“ на все Государство Российское и об „открытии правомерного пути в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии“. Конкретно это место кадетской программы имело в виду только Польшу и Финляндию. Никто другой, не говоря уже о Казачестве, не мог рассчитывать тогда получить от к.-д. даже „местную автономию“.

Партии: „демократических реформ“ и „демократический союз конституционалистов“ защищали „широкое местное самоуправление“.

Правые политические партии („правого порядка“, „октябристы“ и др. еще более правые, монархические организации, вплоть до „союза русского народа“) были категорическими противниками всяких автономистских стремлений Украины, Казачьих Земель, Сибири и др. Что же касается Казачества, то „исторический“ смысл его существования, согласно понимания (и желания!) правых, должен был состоять в защите старого государственного режима и общественного порядка.

— Отношение разных русских течений общественной и политической мысли к национальному вопросу в России, как и отношение их к Казачеству, выработанное в нормальных условиях мирного времени, нисколько не изменилось и во время бурь и революций. Особенно это касается отношения к Казачеству.

Общее отрицательное отношение всех почти оттенков русской мысли к освободительным движениям народов б. Р. Империи было очень хорошо переверено в 1917 году.

В 1917 году ни один из народов, сейчас уже существующих, как отдельные самостоятельные государства (Латвия, Эстония и др.) или стремящихся и борющихся ныне за свою государственную самостоятельность, не хотел еще отделяться тогда от России, каждый из них думал о Всероссийской федерации. И только резкая отрицательная и очень единодушная в этом от-

ношении политика всех русских (великорусских) политических партий оттолкнула потом все народы от России и заставила каждого из них думать самому о себе. В том, что среди народов б. Р. Империи появились сепаратистические стремления, виноваты прежде всего сами русские (великоруссы).

Русская эмиграция представляет собою почти неизменным все разнообразие приведенных нами выше различных направлений русской политической и общественной мысли. Она, в большинстве, все еще хранит „верность“ своему прошлому.

Кроме большевицкой фракции р. с.-д. р. п., развернувшейся в коммунистическую партию, единственно новым русским политическим течением нового времени являются евразийцы. Признавая нынешний федеративный строй С.С.С.Р., евразийцы все же не признают за Казачьими Землями права на федерацию, соглашаясь только на предоставление Казачеству автономии.

Очень медленно, только под давлением чрезвычайных обстоятельств, признают некоторые (очень немногие!) русские политические партии возможность перестройки государственного строя России на началах автономии или федерации, не говоря уже о принципе самоуправления народов, но после этого начинается еще более упорная борьба за ограничение круга возмож-

ных „претендентов“ на автономию или на федерацию. Бой идет из-за каждого народа, из-за каждой Земли.

Ярким примером последнего утверждения является новая „социалистическая лига нового востока“, поставившая себе задачу преобразования С.С.С.Р. (но не Р.С.Ф.С.Р.) и разделившая народы по степени „зрелости“ их к использованию принципа самоопределения народов. — О Казачестве — ни слова.

Вообще нужно сказать, что еще нет ни одной русской политической партии, которая бы, став на точку зрения федерации, признала бы за Казачьими Землями право быть равноправным членом российской федерации.

Не народились еще подлинные русские федералисты. Нет еще той России, с которой та часть казачества, которая стоит на принципе федерации, могла бы федерироваться.

Нам, во всяком случае, едва-ли дождаться появления на свет Божий русских федералистов, а потому мы не связываем себя согласием или несогласием тех или иных русских политических группировок на наше понимание казачьего вопроса и оставляем за Казачеством бесспорное его право на пользование принципом самоопределения народов, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Ис. Быкадоров.

Трагедия Донских вождей.

Все народы Российской империи, в том числе и казачество, приняли февральский переворот, приняли русскую революцию.

Для Донского Войска она давала возможности осуществления никогда не умиравших стремлений к воскрешению искони присущего казачеству народоправства — восстановление Войскового Круга и выборного Донского Атамана.

Но с первых же дней революции на Дону, как и в других казачьих краях, обнаружилась борьба за власть пришлого великорусского населения (преимущественно городского) и хозяина Края — казачества.

Областной исполнительный, а затем военно-революционный комитет и городские думы являлись борцами, выразителями стремлений к захвату власти русским пришлоим населением. Эти российские элементы, среди которых были не только рабочие, но и российская интеллигенция, как и представители большей части местной, но российской по происхождению-ли или по духу буржуазии, — все это опиралось на солдатскую массу запасных полков в Ростове, Новочеркасске, Каменской, Азове, Таганроге.

Расслоение определенно обрисовалось по национальному признаку. Коренное крестьянское население (украинцы) осталось как бы в стороне.

Необычайная организационная сила, сказавшаяся уже на первом казачьем съезде, а затем на Большом Войсковом Круге (в мае — июне 1917 г.), государственное самосознание, созидательная работа, высокий моральный авторитет первых своих вождей — первого народом казачьим избранного атамана ген. Каледина, помощника его М. П. Богаевского и др. дали моральную и фактическую победу казачеству.

В процессе революции, уже весной 1917 г., определенно выявилось, что казачество, приняв свободу, обратило все свои силы, средства и энергию прежде

всего, — для подкрепления русской государственности, победного окончания войны и т. д. — одним словом, казачество искренно хотело быть и было государственно-созидательным элементом.

И казачьи части на фронте не знали развала, разложения, не знали дезертирства, — до конца оставались воинскими частями.

Сознание долга, чести, национальное казачье самосознание, — все это хранило казачьи части от разложения, которым так заразилась тогда русская армия.

Тот элемент, который боролся за власть в казачьих краях, препятствовал работе казачества, — пришлое русское население, „углубляя“ революцию, явилось элементом, разрушающим русскую же государственность.

Казачество направляло все свои силы и средства, всю энергию и разум — в лице своих вождей — к русскому общегосударственному строительству, к поддержке Вр. Правительства.

Но точка приложения казачьих сил и сама „направляющая“ эти силы идеология опирались на гнилое, разлагавшееся место.

Пришлые (русские) силы в казачьих Краях получили поддержку в разрушительной своей работе, и, обратившись, казачья власть, особенно на Дону, получила предательский удар от центральной российской государственной власти: провокационное объявление Атамана Каледина и всего Дона мятежным.

Казачество уже могло делать соответствующие выводы и принимать решения.

Выводы и решения направились уже тотчас после Московского совещания, но выводов этих, выводов „до конца“ — сделано не было.

У Н. М. Мельникова, одного из участников строительства казачьей жизни на Дону в 1917 г., в воспоминаниях, относящихся ко времени возвращения из Москвы, с совещания, читаем:

А. М. КАЛЕДИН

первый выборный (по революции) Войсковой Атаман Войска Донского.

„А. М. Каледин говорил уже тогда, что Россия будет спасаться постепенно отдельными кусками, и тогда, в вагоне, мы впервые заговорили о необходимости объединения Юго-Востока России, о создании Юго-Восточного Союза“... *).

Спасаться, очевидно, для того, чтобы хотя бы самим жить, существовать; это последнее должно было бы быть целью. События-ли, историческая-ли традиция, идеологический-ли туман о великодержавности русского (великорусского) народа и служебной роли казачества — или все вместе, — но вожди казачества правильных решений не приняли и взвалили на плечи казачества непосильное бремя ожидания и борьбы за „постепенное“ спасение Российской государственности.

Октябрьский переворот. Большевицкая власть. Казачьи власти не признали ее, но ее признал добровольно, без борьбы, весь великорусский народ, еще до приятия власти большевиками широко практиковавший большевизм.

И какой трагедией и для казачьих вождей и для всего казачества было приятие в свое время известной оговорки: „впредь до образования общерусской власти, которую признает русский народ“.

Такая власть, которую признал весь русский народ (великорусский), такого же революционного происхо-

ждения, как и власть февральского переворота), — власть Советская — уже была. Этой власти не признали только остальные народы бывшей Российской империи.

А. М. Каледин сказал — „большевикам не верить“, но можно-ли верить русскому народу и верить в этот народ? Эта напрасная вера — суеверие — трагедия и для вождей и для казачества.

На юг хлынула и интеллигенция, и буржуазия, и российские государственные (старые) деятели — не только спасаться, но „поучать“ и „управлять“.

Уже идет вооруженная борьба с большевиками, напирющими со всех сторон на Дон. Заседание Донского Правительства в полном составе. Ждут „прибывшего“ бывш. министра иностранных дел Вр. Правительства, профессора П. Н. Милюкова, прозванного уже „Полударданельским“.

Ему дается слово. „Государственный“ деятель говорит час, другой, забыв о времени и пространстве. А. М. Каледин, всегда сдержанный и спокойный, не выдержал и прервал: „Г. профессор, это все критика, критика и критика, да предложите же что-нибудь от себя дельное“. Профессор умолк. Так они все „спасали“.

Вернувшиеся с фронта после заключения с большевиками похабного мира, казачьи части (до 60 кон. полк., 1 п. бриг., свыше 60 сотен и 20 батарей) отказались от борьбы. Много можно найти объяснений этого отказа, но главной причиной отказа от борьбы было

*) Донская Летопись № 1, 1923, стр. 23.

отсутствие надлежащей идеи борьбы: фронтовое казачество ее не имело, вожди не нашли ее сами.

Борьба за самохранение? Но казачеству Соввласть еще ничем не угрожала, боязни фронтового казачество не чувствовало. Оно только что видело миллионы солдат на фронте, уже не представлявших силы.

Авторитет великодержавности русского народа довел, но он признал Сов. власть. Почему же казачество не могло признать ее?

Приятие власти Вр. Правительства, после падения монархической власти, освещенной вековой традицией, было несравненно труднее (и оно все-же свершилось), чем власти большевицкой после падения власти Вр. Правительства во главе с Керенским.

Фронтвики осознавали и воспринимали лишь большевицкую власть, но явления большевизма были вне учета и понимания их, у них не было еще провидения надвигавшегося большевизма, в первую очередь со стороны пришлого русского населения.

В этом расхождение фронтвиков (отцов) с дедом и детьми; расхождение и взаимное непонимание между фронтвиками и Донскими Атаманами, в которых они видели тогда лишь генералов; фронтвики не чувствовали Донского вождя — Атамана, скорее видели в нем остаток того „общегосударственного“ Российского начала, которое как раз сам русский (великорусский) народ отверг, приняв „отктябрь“.

А. М. Каледин ушел от жизни, разочарованный, изверившийся и, верим, не столько в казачестве, сколько в том, на спасение чего хотел вести казачество.

Умер честно на своем посту. Последнюю жертву — свою жизнь — принес казачеству.

Выстрелом своим он разбил последние узы, связывавшие казачество с Российской государственностью: дал свободу ему и выбор новых, своих путей.

Не для упреков и не для критики — ради критики мы останавливаемся на прошлом. Незабвенна будет светлая память рыцарей чести и долга А. М. Каледина, М. П. Богаевского, А. М. Назарова и тех других, стремившихся связать казачество с новой русской государственностью, а для осознания, что пройденный исторический этап, пусть неизбежный, — для казачества уже действительно прошлый и заверченный.

Всего полтора месяца просуществовала Соввласть на Дону, осуществляемая „на местах“ представителями великодержавного русского пришлого населения, опиравшимися на красную гвардию в Ростове, Царицыне, Новочеркасске. Кроме линий жел. дорог, нигде красной гвардии больше вначале не было. Грабежи, насилия, „социализация“ и просто убийства совершались только в городах; слухи о них не доходили еще до хуторов и даже до станиц. Захватившее власть, пришлое российское население не сразу решилось на грабеж и не оно, не мотивы материального порядка были причиной восстания на Дону весной 1918 г.

Первая причина восстания — захват власти на Дону пришлом великорусским населением. Казачество, счи-

тавшее себя хозяином Края, готово было делить власть и устраивать жизнь вместе с коренным крестьянством, (украинцами), но ни с кем иным.

Борьба с первых же шагов приняла резко выявленный национальный характер: борьбу казачества с этим пришлом великорусским населением.

Восстание „очагами, стихийно сложившимися в целую планомерную войну. Против Дона были двинуты московской Соввластью красные войска и с севера, и с запада, и с востока; борьба шла и на юге. Фронтвики осознали большевицкую власть, в самый большевизм, и понимание между „отцами“ и „детьми“ установилось. Национальное самосознание слило во едино все элементы казачества и дало ему силы для борьбы. В конце апреля собрался уже Круг Спасения Дона, а в начале мая был избран вр. Донской Атаман. ген. П. Н. Краснов, и вели борьбу с Сов. Россией не восставшие отдельные отряды, а Донская Армия.

К первому периоду борьбы относится стихотворение большого Донского писателя Ф. Д. Крюкова, „русского интеллигента“, нар.-социалиста. Он, сбросив идеологический нанос, национально осознал себя в этот период высшего напряжения сил казачества. Стихотворение было написано для журнала, будившего национальные чувства казачества:*)

„... И взволновался Тихий Дон... Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна... Звенит и плачет, и зовет... То Край Родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол... Кипит волной, зовет на бой Родимый Дон... За честь отчизны, за казачье имя кипит, волнуется шумит седой наш Дон, — Родимый Край...“

Во всем стихотворении у „русского интеллигента“, ставшего прежде всего казаком и тем обретшего себя — нет ни одного слова о России, никакого упоминания: ни прямого, ни косвенного.

Русская революция — достояние не великорусского только народа. Исход революции должен дать национальное освобождение этим народам, закончить их самоопределение и устройство новой действительно свободной жизни народов на Востоке Европы.

Казачество имело историческую подготовку к этому самоопределению.

Правда, в 1917 г. еще была сильна 2-хвековая традиция; силен туман у казачьей интеллигенции, достаточно обрусевшей; не было понимания у бывших вождей совершающегося и имеющего совершиться. И в этом была трагедия казачества.

Казачество в 1918 г. обрело себя — приняло борьбу. Но опять вожди извратили ее, и казачество оказалось побежденным. И в этом расхождении казачества и вождей — новая трагедия казачества. Последняя ли?

*) Донская летопись № 1. 1923 стр. 273. „Родимый Край“.

Д-р С. Федоров.

Нациологическая терминология и Казачество.

(Из цикла „Записки самостийника“).

Отметив вкратце тенденции казачества к самоопределению себя, как отдельного народа, с вытекающими отсюда естественными стремлениями к осуществлению своего государственного бытия, мы не вдавались в разбор этих стремлений по существу.

Точно так же, приведя значительное количество взглядов различных ученых на казачество и мнений о нем, мы не подвергали их оценке и научной критике; для нас было только важно установить определенные тенденции, дававшие казачеству возможность обособивать свои стремления.

Из всей этой массы мнений, заключений и убеждений мы устанавливаем то обстоятельство, что подавляющее большинство историков и писателей старых времен (до половины XIX в.) трактует казачество, как особую этническую группу, сложившуюся в особый народ, нацию *in statu nascendi* (в процессе образования).

Да и в позднейшее время казачество все же рассматривается, как совершенно отдельная бытовая группа, а само „казакование и казачество“ трактуется древним бытовым явлением, присущим южно-украинскому населению.

Само же казачество, в массе, не перестает мыслить себя отдельным народом, самоопределяет себя таковым в революцию 1917 года, а одна из ветвей его — Донская, будучи последовательной, в своей конституции прокламирует свое национально-донское государство.

Далее мы постараемся разобрать и проследить те факторы, которые оказывали и оказывают влияние на формирование казачьего народа, как отдельной ветви славянских племен Востока Европы; как народа с своеобразным, национальным характером и стремлением к воссозданию своей государственности.

Термин „казачья нация“, „казачий народ“, „донская народность“ многим из нас кажутся „страшными“ и как бы не имеющими за собой логического и научного основания.

Происходит это вследствие постоянного смешения понятий: род, племя, раса, народ, народность, нация, национальность, — что, в свою очередь, приводит к постоянным недоразумениям и взаимному непониманию.

(Вообще в жизни существует много терминов и понятий, только кажущихся страшными и однозными, но в сущности своей вполне невинных и естественных).

Точных значений, которые целиком исчерпывали бы сущность этих терминов, еще в самом недавнем прошлом никто не мог определенно указать.

То, что столетия назад считалось племенами, превратилось в народы и нации; те, которые раньше были народностями, чуждыми и даже враждебными между собою, между которыми царил расовая ненависть, слились в один народ, и, наоборот, народы, считавшиеся едиными, разделились на ряд отдельных народов.

Над нашей общественностью еще до сих пор тяготеет невыразительная российская терминология, в которой в особенности термин „народ“ имеет очень много значений и при том очень расплывчатых и невыразительных; для понятия же „нация“ в российской терминологии и совсем не существует слова, благодаря чему руководящиеся российским толкованием этих двух понятий, постоянно пребывают в коллизии с научным и европейским пониманием этих терминов. Нам следует, отказавшись раз навсегда от российской путаницы этих понятий, принять научные европейские определения.

Нация — *la nation* — соответствует *l'etat* — государству; это есть синонимы, употребляемые различно: первый — в значении организма, а второй — механизма.

Народ — *peuple*, как физиологический термин может быть приложенным ко всему населению государства, — скажем, б. Российской Империи.

В западной Европе понятие „население“ тождественно „нации“, а это последнее, в свою очередь, соответствует „народу“; вообще же слова „народ“ „нация“, употребляются для обозначения всех граждан смешанного государства — например, народ швейцарский, народ бельгийский, американский, нация американская, бельгийская, швейцарская.

Следует обратить внимание на разницу этих терминов, при их употреблении: „нация“ употребляется обыкновенно в значении политическом, а „народ“ в большей части обозначает народную массу, в демократическом понимании, в социологическом отношении.

В таком значении иностранцы употребляют термин „нация“, „народ“ в отношении казачества (Де-Романо, Клерк, Паллас, Георги, Леклерк,*) поляки в проклама-

ции 1848 г.), да и русские ученые, как Устрялов и др.

Нация — общекультурная, свободная организация, данная самой природой. При этом разумеют, что различные народы, пребывающие в границах одного и того же государства продолжительное время, имеют во многом одинаковые взгляды, те же самые учреждения, одинаковые и общие воспоминания, права и обычаи; именно поэтому, например, говорится — народ бельгийский.

Политическо-юридическое понятие нации резко отличается от более широкого социологического; оно рассматривает ее исключительно и специально в отношении ее к государству. Народ, как понятие государственно-правовое, означает принадлежность к одному государственному организму — на началах равноправности.

Поэтому, если в понятии „народ“ усматривать не зоологическое соединение людей, говорящих одним языком, а их социальное объединение, члены которого осознанно причисляют себя к членам одного народа, то мы имеем право говорить и про народ казачий, независимо от его происхождения.

Должен быть еще и внешний признак для того, чтобы обусловить возможность такого казачьего осознания и он заключается, главным образом, в общих условиях существования.

Лингвистические, генеалогические, так же как и территориальные основы для понимания построения нации обанкротились; все эти признаки недостаточны для разрешения вопроса о национальности, расе или государстве.

Разрешения этих вопросов необходимо искать психологически — субъективным методом.

Современная наука в большинстве и приняла такое психологическое понимание нации, по Ренану,*) который определяет ее,

как психически — культурное, однообразное целостное сообщество (общину), zaloженное на осознании необходимости всеобщего самопожертвования для общей жизни и на желании продолжать совместное сожителство и в дальнейшем.

Итальянец Манчини устанавливает, что этот морально-психологический фактор, т. е. чувство принадлежности к себе, есть основным, без которого все остальные факторы (как то: географический — край; этнографический — раса; рационалистический — язык; религиозный — вера; традиционный — обычаи, быт, воспоминания; правовой — общественные законы и учреждения), — должны отступить, как неопределенные и неустойчивые (колеблющиеся).

Принадлежность к нации должна быть основана на свободном объявлении воли отдельной личностью и быть таким же элементом гражданского состояния, каким являются вероисповедание, брак и др.

Национальность становится актом воли, за которым вопросы языка, расы, религии теряют уже всякое значение — говорит украинский проф. Старосольский, известный нациолог.

У казачества проявлений подобной воли к созданию целостного сообщества (по Ренану), определяемого современной наукой как нация, отрицать невозможно; может быть и не всегда сознательно, но в громадном большинстве осознанно казачество мыслит себя как народ (в социологическом), а следовательно должно мыслить себя и как нацию (в политическом значении).

*) Известные ученые и исследователи XIX-го и конца XVIII ст.

*) Знаменитый нациолог.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

О. Долинский.

Культура и самоопределение народов.

Предполагалось, что после мировой войны Европа будет перестроена на новых началах. Эта реконструкция должна была совершиться в согласии с принципом самоопределения народов. Даже официальная дипломатия обоих враждебных лагерей, — искренно или не искренно — это другой вопрос, — должна была считаться с этим лозунгом и признавать освобождение наций одним из главных мотивов мировой войны.

Известно, что знаменитая декларация покойного американского президента Вильсона основывалась как раз на принципе национального самоопределения.

Версальский мир, конечно, далеко не осуществил идеала самоопределения народов. С одной стороны, не все порабощенные нации были освобождены, — то есть достигли государственной независимости, — а с другой, некоторые из них, как напр. украинцы, были заново порабощены и над ними совершенно было насилие, вроде того, как над Польшей в конце XVIII столетия.

40 миллионов национальных меньшинств в послевоенной Европе являются красноречивым доказательством того, как принцип национального самоопределения не вполне и далеко не последовательно был применен мировыми трактатами. Удивляться этому, очевидно, не приходится: ведь лозунг самоопределения народов был идеалом демократии, а фактически — мир заключался и делался не ею.

Но что приходится с печалью отметить, это то обстоятельство, что в послевоенное время в некоторых кругах, как будто, поблек ореол идеи национального самоопределения.

Даже более: с империализмом, правда, более или менее ловко замаскированным, приходится встречаться сейчас и среди левых кругов разных политических партий, представители которых решительно отрицают самостоятельные тенденции среди порабощенных народов Востока Европы, определенно высказываясь за то, что эти народы должны быть „под одной государственной кровлей“ с Россией, по выражению одного русского эсера правого толка.

Чем пояснить такую перемену даже в идеологических настроениях? И какими аргументами можно ее оправдать или доказать?

Прежде государственный абсолютизм не стеснялся в своих деяниях и не требовал никаких идеологических санкций для своего поведения, в лучшем случае покрывая их авторитетом Бога, поскольку монархическая власть считалась божественного происхождения. Сейчас, когда демократия отвоёвала себе серьезную позицию в политической жизни современной Европы, — конечно, приходится оправдывать и идеологически обосновывать государственный централизм или империализм по отношению к обездоленным народам.

Политические игроки довольно ловко делают это при содействии авторитета науки, которая, к сожалению, очень часто играет еще роль служанки в политике разных государств, как в средние века на услугах воинственной католической церкви была философия.

Существует и пользуется популярностью „научная“ теория, доказывающая, что не все народы могут самоопределяться, что не все из них способны к самостоятельному культурному развитию.

Эта теория по отношению к народам Востока Европы была развита и обоснована известным французским ученым — А. Леруа Болье полвека тому назад в его знаменитой монографии: „Империя царей и русские“*). Покойный автор этой интересной работы отстаивал точку зрения, что будущее принадлежит только количественно — большим нациям и что малочисленные народы в культурном отношении не имеют перспектив и будут ассимилированы господствующими нациями. На примере царской России он иллюстрировал эту свою теорию, доказывая неизбежный закат балтийских и кавказских инородцев и

признавая право на будущее национальное развитие только за двумя ее окраинами: Финляндией и Польшей.

А. Леруа Болье несомненно ошибся в этом своем социологическом прогнозе, который, впрочем, не соответствовал вполне фактическому положению вещей даже в то время, когда упомянутый французский ученый писал свой знаменитый труд о России. Ведь в последней четверти минувшего столетия эстонцы и латыши, а до некоторой степени — армяне и грузины, культурную смерть которых Леруа Болье предсказывал, — находились в процессе национального возрождения и, стало быть, были на пути к национальному самоопределению нашего времени.

Культурные универсалисты и централисты не учли и не учитывают как раз огромного значения процесса национального возрождения нового времени, социологически вполне определенного законом дифференциации, столь характерного для каждого поступательного развития. Они довольно монотонно представляют себе судьбы человеческой культуры, будто бы стремящейся к какому то общему знаменателю, где слово имеют только большие и сильные, а малые и слабые должны бесследно исчезнуть. Но история новейшего времени доказывает как раз противоположное. Д-р Масарик прав, когда (1915) говорил в своей знаменитой лондонской лекции: — *The problem of small nations in the European crisis.* (Проблема малых народов в европейском кризисе):

„История стремится не к однообразию, но к разнообразию, к организованному разнообразию, которое очень часто и неправильно представляется, как бесплодная однообразная, неразрозненная монотонность“.

Может возникнуть вопрос, способны ли к культурному творчеству и небольшие нации или количественно даже малые? Очень многие социологи и философы (особенно немецкие, напр. П. Рорбах или Г. Кунов) отрицают эту возможность. По их мнению, чем меньше количественно народ, тем менее ценно его культурное творчество, тем более узка и провинциальна его собственная культура, — в конце концов с общечеловеческой точки зрения ненужная и даже лишняя, ибо по своей природе такие народы менее ценны или даже являются нисшими („die minder wehrigen Nationen“ или „races inférieures“).

Это — своеобразный культурный аристократизм, классическим примером которого может быть теория евразийского идеолога кн. Н. С. Трубецкого о культурах „верхнего“ и „нижнего этажа“, из коих первая общечеловечна и чуть ли не сверхнародна, а вторая — обращена лицом по преимуществу к народным массам. По мнению названного автора многие, особенно малочисленные народы, отстаивающие свою национальную самобытность, — неспособны создать оригинальную культуру и в лучшем случае „наложат на нее... печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобесия и, сверх того, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией“. Это сказано по адресу национальной украинской культуры, но автор относит эти слова и к попыткам культурного самоопределения разных „молодых народов“, какие он величает „статистами Лиги Наций“. (См. его статью „К украинской проблеме“, в „Евразийском Временнике“, кн. 5).

Но настоящая культура не измеряется числом гениев или шедевров, а средним уровнем культурного развития целого народа. В этом отношении, напр., русская культура *en masse*, где „верхний этаж“ действительно блестящ, но зато „нижний“ представлял сплошную „власть тьмы“, ниже, скажем, финляндской или чешской, где хотя нет таких ослепительных гениев, — я имею в виду главным образом финляндскую, — но

*) *L'empire des Tsars et les Russes.*

зато имеется только один культурный этаж и где любой крестьянин не чужд общечеловеческих культурных интересов. Средний уровень грамотности известной нации в культурном отношении лучше характеризует ее, чем один нобелевский лауреат или несколько литературных светил на фоне беспросветного невежества масс. Культурное „двух-этажие“ в результате приводит к большевицкому мракобесию и изуверству, к кровавому господству „власти тьмы“.

Неправильна теория цитированного евразийского идеолога относительно провинциальности малых культур и фактически. В Западной Европе существует целый ряд культур общечеловеческого и мирового значения, созданных народами, насчитывающими всего по несколько миллионов душ. Достаточно назвать для примера хотя бы следующие: шведскую, датскую, норвежскую, голландскую, бельгийскую и т. д. Никто не будет отрицать, что этими народами было много сделано для литературы, науки, искусства и что они дали человечеству не один шедевр и не одного гениального представителя...

„Культура, — говорит Масарик в цитированном лондонском докладе, — не является продуктом одной, большой или малой, нации. Существуют разные культурные типы и отклоняющиеся культурные ступени... Культуру нельзя народам навязать или дубиной вдолбить... Каждый народ сам и независимо должен создавать свою культуру, а не воспринимать ее просто от другого народа если бы даже эта культура считалась высшей. Такое пассивное восприятие могло бы быть переходящим, и во всяком случае опасным и вредным“*

На одно обстоятельство правильно обращает внимание этот выдающийся чешский социолог и философ, говоря: „малочисленные народы действительно являются народами — работниками“.

Можно было бы сделать на первый взгляд парадоксальное предположение, что интенсивность культуры известного народа чуть ли не обратно пропорциональна его численности и территориальной величине. Не подлежит сомнению, что вполне культурными в Европе являются как раз вышеупомянутые народы, количественно меньшего или среднего типа. Если Германия, представляющая тип большой нации и государства, по интенсивности культуры занимает тоже передовое место, то, пожалуй, это является результатом внутренней ее областной дифференциации. В то же время, что вне всякого сомнения, весьма низкий уровень русской массовой культуры можно объяснить, между прочим, чрезмерным территориальным протяжением царской империи, благодаря чему на востоке была надлежавшая внутренняя ее интенсификация.

Не является случайным, быть может и тот факт, что в последнее время средний тип государства и нации (в количественном отношении) завоевывает, по крайней мере в Европе, передовое место. Время „китов государств“, — по выражению Герцена, — принадлежит истории. Последние из них погибли во время мировой войны. Повидимому и время „наций-китов“ постепенно тоже отходит в историю. Настоящее и будущее принадлежит новым и молодым народам, которые хотя числом или территориальною площадью не так велики, но по способности интенсификации своей культуры, особенно в социальном отношении, безусловно показали не только свою жизнеспособность, но и оригинальное творчество (Финляндия, Чехословакия).

Вообще, теория культурной инфериорности народов или рас, в зависимости от их численности или происхождения, событиями нового времени опровергается или, по крайней мере, корректируется. Нет наций или рас избранных, как нет наций или рас отверженных. Все зависит от географических и исторических условий жизни: благоприятные — содействуют их развитию, неблагоприятные — тормозят их прогресс. Но из этого отнюдь еще не следует, что и

запоздавшие народы в наш век национального ренессанса не будут приобщены к общечеловеческому прогрессу и не внесут в него свою долю творческой работы...

Культура не является ведь монополией только больших наций! Общечеловечность ее не зависит исключительно от количественного момента!

Общечеловечна и интернациональна культура по своему содержанию; но форма выражения и проявления ее всегда и глубоко национальны. Общечеловечность культуры совсем не равносильна ее вне-национальности. Культура, по своей сути, не может быть анациональна. Ведь, именно, нация и является ее главным источником и, в то же время, творцом.

Как для прогресса общественной жизни необходима личная индивидуализация людей, так для прогресса общечеловеческой культуры нужна национальная индивидуализация. Общественный коллективизм не противоречит персональному индивидуализму, наоборот предопределяет его, как этот, в свою очередь, обуславливает социальный прогресс. Точно так же универсализм культуры не исключает глубокого национализма ее проявлений; наоборот — богатство и мировая полифония ее требует все большей и большей национальной дифференциации и индивидуализации.

Этот грандиозный процесс национального и расового ренессанса как раз и совершается на наших глазах. Характерным его выражением является прогрессивный рост новых литературных языков (см. интересную монографию по этому вопросу известного французского лингвиста Meillet: *L'Europe Nouvelle et les langues*), обусловленный современной демократизацией общественной жизни.

Не поучителен ли и одновременно не симптоматичен ли культурный регионализм (областничество) в современной Франции, — в стране традиционного со времен революции государственного централизма, — захвативший стихийно не только французских национальных инородцев, как, провансальцев и бретонцев, но и бывшие исторически самобытные провинции вроде, напр., Нормандии и т. д., и проявляющийся в первую очередь в области литературного и художественного творчества (ср., напр., интересную работу об этом: М. Р. Poinso: *Esthétique régionaliste*. Paris, 1911).

Много в наше время говорится и пишется об упадке и неизбежном закате европейской культуры, которая, мол, выдохлась и пребывает в состоянии какого то старческого маразма. Некоторые пессимисты в этом отношении ожидают спасения от возможного культурного расцвета цветных рас.

Не проще ли предположить, что своего рода омоложение одряхлевшей культурно Европы — может быть стимулировано, напр., культурным самоопределением т. наз. „неисторических народов“, которым суждено было выступить на мировую арену только в наш век демократии, но среди которых имеются отдельные представители с древними культурными традициями (как напр., армяне, грузины, не говоря о чехах, сравнительно недавно деградировавших из исторических в неисторические народы).

Одного во всяком случае нельзя отрицать, а именно, безусловно большого и самобытного творчества в области, напр., социальной культуры. Финляндия, Чехословакия, Эстония осуществили целый ряд социальных реформ (напр., решений Вашингтонской конференции или проектов международного бюро труда), чего не рискуют сделать старые и большие государства, как Франция или Англия, несмотря на революционные традиции первой или конституционно-демократические — второй.

Если эти новые и молодые нации не проявили себя еще достаточно в области литературного, художественного или научного творчества, то не следует забывать, что во 1) они только вчера свергли политическое иго, парализовавшее их национальное развитие, а во 2), — что широкая публика совсем незнакома с их фактическими достижениями в этом отношении.

*) Разбивка наша. — О. Д.

Кто знал, напр., кроме специалистов индологов о существовании новой, весьма оригинальной литературы на бенгальском языке, пока представитель ее, — выдающийся индусский философ и писатель Рабиндранат Тагор (Tagore) — не получил нобелевской премии, а его художественные произведения не появились в переводе на европейские языки?!

Кому была известна чешская литература перед войной, кроме официальных славистов или присяжных славянофилов, хотя она дала великого поэта-философа Бржезину и безусловно одного из величайших и оригинальнейших писателей нашего времени К. Чапека, автора смелой драмы *R. U. R.*, или бесподобного фантастического романа — „Кракатица“!

А разве покойный финляндский писатель Ю. Ахо — автор красочных аллегорий на мотив финно-царских конфликтов (в сборнике рассказов „Ветка можжевельника“) или тоже покойный украинский беллетрист М. Коцюбинский, — этот гениальный скульптор украинского литературного языка — не могли бы быть украшением любой признанной европейской литературы?!

Возьмите по очереди отделы искусства — музыки, живописи, театра — или науки, посмотрите их с этой точки зрения — и вы найдете целый ряд выдающихся имен, зачастую скрытых под анонимной государственной вывеской: русской, австро-венгерской, английской.

Государства „киты“ — не только душили свои инородческие окраины, но даже, так сказать, в административном порядке — крали их культурные произведения. Государственный „центр“ не был только экономическим, но и культурным эксплуататором инациональных „окаин“.

Это не следует забывать большим и историческим нациям, так легко и часто некритически попрекающих своих меньших и неисторических коллег в „культурном инфернизме“.

Такой упрек, по меньшей мере — еще преждевременен. Надо подождать, пока освобожденные народы — пасынки, — живя полной и независимой национальной жизнью, преодолев „детские“ болезни собственного государственного строительства, вырастят первый цвет своего самобытного культурного творчества...

С. Ф. Лантух.

Чешская Маффия.

(Из истории чехословацкого освобождения 1914—1918 гг.)

(Продолжение)*

Другой большой задачей было собрать в единое целое чешские колонии во всех союзнических землях. С течением времени, Масарик сам посетил все большие колонии или послал туда кого-нибудь. Чтобы не вести обширной и затруднительной корреспонденции, решено было издавать газету, которая одинаково руководила бы и информировала все колонии.

В определенной мере помогла дружественная печать, опубликовывая нужные сообщения; хорошую услугу в этом отношении оказывала часто и неприятельская пресса — своими „разоблачениями“ и жалобами.

Чехословаки везде исправно понимали свои задачи. Всюду возникали различные военные и журналистические организации для помощи делу освобождения.

Так возник в Берне, в Швейцарии, 3-го января 1915 г., „Центральный Союз Чешских Товариществ в Швейцарии“; в Париже начал выходить еженедельный журнал „Здар“ (Удача), потом „L'indépendance Tchèque“ (Чешская Независимость), а вскоре затем была создана (28 янв.—5 февр.) „Народная Рада“, которая выступила с резким анти-австрийским манифестом.

В Америке состоялся 13-го января в Клевланде с'езд „Чешского Народного Об'единения в Америке“, в котором была сосредоточена вся работа по „одбою“ (освобождению) чешской американской колонии.

В Москве устроен 7-11 марта первый С'езд представителей чешско-словенских товариществ в России и на нем основан „Союз чехословенских товариществ в Руси“.

Подобным образом организовались земляки в Сербии и в Болгарии; только в Германии, хотя там чехословаков было более, чем где либо, организации „одбоя“, естественно, не было.

Сначала всюду были несогласия между партиями и отдельными лицами. Недоразумения эти обуславливались местными особенностями.

Тяжело было пробиваться вначале чехам и в Лондоне. Мешало разделение колонии на два лагеря, отнотившихся друг к другу с недоброжелательством.

Несмотря на это, скоро везде был признан авторитет Масарика. Способствовало этому и то, что Масарик в мартовском циркуляре 1915 г. решительно высказался, что „решающая и главная политическая

акция может и должна исходить из Праги, и что чешской эмиграции должно вести работу в согласии с домашним центром“. Было признано все же, что в случаях особой нужды, заграничный комитет будет действовать самостоятельно, сообразуясь всегда с тем, что делается дома.

Это особенно относилось к нетерпеливым, непонимавшим, почему откладывается публичное выступление против Австрии.

Летом 1915 г. организационный процесс был вчерне закончен. Все колонии имели свои органы, одинаково руководимые из одного центра.

В своей работе чехи должны были быть вдвойне осторожными, чтобы не причинить неприятностей правительству тех стран, в которых они работали.

Австрийские шпионы всюду следили за работой чехословаков.

Нужно было стеречься. Весной 1915 г. у Масарика несколько дней сильно болела рука — появились нарывы; доктор определил отравление, и многие думали, что это немцы отравили белье в стирке. Такой же случай случился потом в Англии; и там доктор определил отравление.

Разумеется, что чехи старались парализовать австро-немецкую работу.

В Америке чехи и словаки имели свою журналистику.

На постоянные настояния Масарика, чтобы из Чехии приехали некоторые депутаты и журналисты, в конце мая прибыл депутат парламента Дюрих.

Приехал он, избранный д-ром Крамаржем специально для России. Он был „ориентирован“ на царя и на православие, так же, как и многие из чешских руссофилов того времени, ожидавшие спасения только от России.

Масарик также считал необходимым, чтобы д-р Шейнер, как глава Сокола, бежал в Россию. Он имел значительный авторитет, который мог бы быть использован для создания чешского войска. Из Праги было получено известие, что так будет.

Главной задачей политического центра чехословаков было изыскание денежных средств и организация своей политической эмиграции. Поляки и югославы были в этом отношении далеко впереди чехов.

*) См. №№ 1, 2 и 3 журнала.

Масарик предложил Бенешу создать тайный комитет, который имел бы дома разветвления, вел бы тайные сношения с заграницей, имел бы постоянную связь с чешской и венской официальной политикой, вел бы закулисную политическую работу дома и информировал бы политическую эмиграцию.

Масарик обратил внимание при этом на то, что необходимо распространить сеть этой организации и в провинции, что нужно завести тайную типографию, розыскать преданных людей и наметить их заместителей, на случай арестов*).

Приглашение особ в тайный комитет должно было состояться по соглашению с д-ром Шейнером, а от партии прогрессистов был выбран д-р Шамал, который потом был главою Маффии и самоотверженно вел ее работу.

Э. Бенешу была поручена техническая организация связи с заграницей.

С югославянами велась очень тесная связь — делились сведениями, советывались сообща и часто делали совместные выступления.

Сербский консул выдавал для чешских революционеров паспорта и доставал визы во Францию. Сам Масарик имел такой паспорт.

Когда организация заграничной деятельности была уже в полном ходу и успешно развивалась, Масарик на короткое время проехал в Париж и Лондон, где внес умиротворение в споры чешских колоний и принял лично некоторые шаги в соответствующих политических и правительственных кругах в пользу чешской самостоятельности. У многих англичан не было еще тогда определенной программы в чешском вопросе. То же самое сказал Масарику и русский посол в Лондоне Бенкендорф: у России не было точного плана в отношении славянства.

*) **Е. Beneš.** I. 36.

(Окончание следует).

Печать о „Вольном Казачестве“.

„Прометей“, ежемесячный журнал, издающийся в Париже на французском языке („Prométhée“), в последней, январьской книжке, отметил появление в свет „Вольного Казачества“ небольшой редакционной заметкой и большой статьей г. Laguère.

Редакционная заметка подчеркивает, что журнал „стал на защиту интересов Донских казаков, а также и казаков Кубанских“.

Статья г. Laguère посвящена главным образом Донскому казачеству. Отметив самостоятельное стремление кубанцев как явление „совершенно нормальное“, автор считает более знаменательным явлением, что и у Донских казаков проявились те же самые тенденции. Остановившись на этом „факте чрезвычайной важности“, г. Laguère, дав историческую справку о происхождении Кубанских казаков, более подробно останавливается на истории Донских казаков. За немногими неточностями в деталях, простительных иностранцу, автор достаточно верно рисует историю Донского казачества. Правильно также отмечает автор и причины неправильного представления о казаках у иностранцев: „никто не интересовался их внутренней жизнью, никто их не знал изнутри“...

Историческую часть г. Laguère заканчивает констатированием того факта, что Казачество

Масарик решил уже выступить против Австрии открыто. Чешские колонии всюду этого ждали и требовали. В России, в армии, была уже Чешская Дружина, во Франции чехи были тоже в рядах войск. В Австрии чехи вели себя „тоже хорошо“ — 28-й пех. Пражский полк, под Дуклой, 3-го апреля перешел к русским в полном составе, со знаменем и музыкой.

Необходимо было начать официальную акцию, но это трудно было делать без денег. К ведению каждой войны нужно много денег, а Масарик пока не имел достаточного фонда; из Праги деньги не шли, а с Америкой связь была затяжной.

В Праге собирали деньги по кронам — дело шло туго, а нужны были тысячи; из Америки же начали приходить только в 1915 году.

Решено было сначала предпринять культурное выступление. 4-го июля, по случаю празднования годовщины смерти Яна Гуса, чехи публично выступили перед своими и немцами в Цюрихе, а на следующий день выступили Масарик и французский проф. Дени в Женеве.

Это выступление стало широко известным и имело всюду в колониях и среди солдат воспитательное значение; оно указывало, что чешское сопротивление ведется в духе гуситских предков и имеет не только политическое, но и моральное оправдание.

В Австрии Гусовские „торжества“ произвели впечатление „первого объявления войны Австрии“.

Чисто политическое выступление Масарик отложил еще на некоторое время, т. к. и из Праги писали, что нужно еще несколько подождать. Масарик ожидал также приезда одного из руководителей Маффии в Праге, д-ра Бенеша. Когда же д-р Бенеш в начале сентября приехал, и заграничная работа была соответственно распределена, чехословаки выступили открыто против Австрии 14-го ноября 1915 г.

на протяжении своей истории в составе России сохранило в себе зародыши своего „будущего возрождения, которое и наступило в период великой революции“... Казаки не остались позади других народов, они „создали Донское государство, а их украинские собратья, Кубанские казаки, организовали также свое Кубанское государство“.

Достаточно места отводит автор далее и борьбе разных донских группировок по вопросу о будущности Донской республики. Не ушли от г. Laguère и взаимоотношения между Казачеством и русскими генералами Деникиным и Врангелем в последней войне.

Казачество войну проиграло и ушло в эмиграцию. И здесь

„настало время рассмотреть и обдумать вопросы, связанные с будущим их (казаков) отечества. И снова в среде казачества, как кажется, встают две старые тенденции. Наряду с теми, которые все еще продолжают рассматривать Дон, как более или менее нераздельную часть России, существуют и другие, ставшие совершенно определенно на путь самостоятельности“...

Изложив далее программу первых номеров „Вольного Казачества“, г. Laguère ставит вопрос:

„Какая из отмеченных выше тенденций возьмет верх у Казачества: та-ли, что всякою ценою стремится к объединению с Москвою, или другая,

которая провозглашает независимость казачьего государства? — Если победит эта последняя, то это событие будет иметь огромные последствия для истории Востока Европы...

... Остается... поставить еще вопрос: отделение Дона будет полезным или вредным явлением? — Всем его соседям оно без сомнения полезно. Полезно оно также и для самого Дона. Совершенно ясно, что это отделение, свободная жизнь и независимое развитие Донского государства даст Казачеству новые силы, ныне находящиеся в усыпленном состоянии, и это одинаково относится как к силам интеллектуальным, так и к силам политическим и материальным.

Если же рассматривать этот вопрос с точки зрения России, то необходимо признать, что Россия будет весьма недовольна таким решением. Но вопрос этот необходимо поставить иначе. О какой России может быть речь? Если речь идет о подлинной России, о громадном ядре народа, населяющего север и центр Востока Европы, то отделение Дона ни в чем не нарушает его интересов. Этот факт позволит лишь ему сконцентрировать свои силы на работе для самого себя, даст ему возможность лучше заняться своими собственными делами, — и тогда исчезнет возможность появления Ленина или Романова в качестве деспотических его правителей...

Иначе обстоит дело, если говорить об этом с точки зрения империалистической России... мечтающей неизменно о господстве на пространстве от Балтийского моря до Тихого океана и от моря Белого до моря Черного...

Отметив далее, что империалистическая Россия, — все равно красная или черная, — всегда была и есть постоянною опасностью для Европы и для всего мира, французский автор заканчивает свою статью:

„Жизнь состоит не в том только, чтобы все народы сливались в одно государство, в ее задачу входит не только создание единой и однообразной цивилизации. Жизнь прекрасна, когда она подобна весеннему лугу, покрытому цветами всех окрасок, всех родов, всех ароматов. И если судьбе будет угодно, чтобы отделение Дона от России дало начало рождению нового цветка, — кто знает, может быть цветок этот будет прекрасен, — мир и человеческая история от этого только обогатятся“.

„Последние Новости“ в номере от 25 января с. г. в передовой статье достаточно подробно и „своеобразно“ изложили содержание нашего третьего номера, со слишком обильным, конечно, применением „кавычек“. Изложение это заканчивается „истинно-Миллюковским“ определением федерации: „настоящая федерация — так же „единицеделима“, как и всякая государственная территория при любой конституции“.

Не будем спорить с „Посл. Нов.“ на тему о том, что такое федерация, — это было бы бесполезной тратой времени, т. к., очевидно, каждый из нас останется при своем и каждый пойдет своей дорогой.

Одного места передовицы „П. Н.“ не можем обойти молчанием. Наше предложение нашим казачьим федералистам идти с нами вместе в деле освобождения Казачества, „П. Н.“ вульгаризируют утверждением: „...самостийники предлагают федералистам: вытащите для нас каштаны из огня, а потом мы разойдемся“...

Нет, господа, дело не так. Мы считаем, что Казачество слишком много таскало каштаны из огня для других и достаточно уже пожгло свои руки на подобных операциях. Этому мы не хотим. И никаких каштанов таскать для себя мы никого не зовем, а зовем все казачество, и федералистов в том числе, общими силами вытащить из огня Московской диктатуры наши несчастные Земли.

Г. В. Мякотин в „Днях“ от 26 января, в статье „Из прошлого и настоящего — О казачьих националистах“, немного запоздало, правда, передает содержание первых номеров „Вольного Казачества“. В передаче этой очень много раздраженной „иронии“, еще больше „высокомерия“ „большого ученого“ по адресу „малых“ каких-то там „социологов или „историков“, без разрешения „старшего“ дерзающих „сметь свое суждение иметь“! и... ничего по существу затронутых тем.

„Олимпийцы“ сердятся — ну, и пусть себе сердятся, сколько им будет угодно!

М. Горчуков в 23 номере „Пути Казачества“ сумел в одной и той же статье основательно поспорить сам с собою.

Подчеркнув, как мало „политической серьезности“ в „самостийном“ течении, назвав самостийников „авантюристами“ и даже поставив вопрос: „стоит-ли серьезно считаться с фантазиями таких забубенных головушек?“ — почтенный автор на этой же странице сам признает, что —

„в смысле тактическом постановка „самостийного“ вопроса, может быть, и могла бы иметь свое значение: в той политической игре — борьбе, которая возникнет немедленно после падения советской власти, может быть, действительно, более полезно предъявлять „счета“ с запросом, чтобы было что скинуть в процессе торга с будущей российской властью: ведь неизвестно, какая она будет, а по историческому опыту — от нее трудно ожидать должной объективности и справедливости к казачеству. Этого, действительно, нельзя упускать из внимания, — потому что историческая традиция общероссийской власти — в том, чтобы требовать одного: „прилежания и усердного служения“. Этого требовал шеф жандармов Бенкендорф (при Николае I), этого требуют и большевики. Этого потребуют, надо думать, и будущие общероссийские власти. Поэтому, кто сумеет получить больше законных прав, тот будет оправдан историей... Но надо помнить одно: что этих прав казачество добьется только за „круглым столом“ совета, а не на поле брани“.

Спрашивается: зачем же ругать самостийников, если самому сейчас же писать такие истины?

По Горчукову выходит, что по „тактическим“ соображениям и самостийность не грех, а грех только заниматься такими вещами в серьез. С Горчуковской „тактикой“ „впредь до“ казачество один раз уже проиграло.

Согласны мы и в том, чтобы все споры о правах казачества решать за „круглым столом“. Но как попасть за этот круглый стол? Что де-

лать, когда не мы, а с нами не хотят сесть за этот „круглый стол“, предоставляя нам (Казачеству!) постоять перед тем столом, за которым решится наша судьба. А разве и почтенный М. Горчуков не о том же говорит на предыдущей странице, когда констатирует, что есть „многие недруги его (Казачества) из русских людей“... и т. д.

„Очевидно, у кого в крови, в природе, в традиции — насилие, того не убедишь ни в справедливости, ни в долге уважения, ни в благодарности“.

Разница между нами и г. Горчуковым та, что из одних и тех же почти фактов мы делаем надлежащие выводы, а он их делать пока не хочет.

Казачья старина.

Венецианец военспец о казаках.

Интересное описание запорожских казаков оставил венецианский дворянин Петр делла Валле*).

Он, по собственным словам, отличался святой ненавистью к туркам и для того, собственно, приехал в Персию, чтобы принять участие в ее войнах против турок.

„Я всегда“, — пишет он, — „передумывал множество различных способов для истребления этого дерзкого народа и тем, с своей стороны, сделать что либо в пользу христианства. Я убедился, наконец, что самое лучшее для того средство — взаимный союз шаха персидского с некоторым народом христианским, называемым казаками, которые живут у Черного моря, при устьях реки Днепра.

... Они живут в независимости и не признают никакого государя.

Они постоянно на военной ноге во вред и на страх своим соседям врагам, туркам и мусульманам...

Есть различные войска казачьи... постоянно моею мыслью был союз казаков... именно тех, что живут при устьях Днепра...

В этом месте всегда находится более двух тысяч отличных воинов, которые зимою охраняют суда и оружие, делают беспрестанные набеги на Европейских татар, своих соседей; летом же, как только пронесется весть, что они готовят какое нибудь предприятие на море, то множество других казаков, привлекаемое жадной добычи, стекаются к ним из окрестных мест...

Выбрав из своей среды самых храбрых в начальники, они пускаются в море с многочисленными силами на трехстах или пятистах лодках или маленьких галеотах; на них помещаются четыре, пять, семь и восемь тысяч отборных воинов, которые в то же время отличные моряки и матросы...

Между прочим, Синоп, город весьма населенный и прославленный Митридатом, испытал на себе их гнев. Каффа, хотя и столичный город татарских ханов в Европе, не мог противостоять их силе, и самый Трапезонд несколько раз был доводим ими до последней крайности...

Турки ежегодно высылают против них из Константинополя военные силы, которые вначале состояли исключительно из галеотов, потому что действительно только этого рода суда пригодны на этом море, где немного гаваней, и то узкие и находятся обыкновенно при устьях рек, и где много мест мелководных, куда укрываются обыкновенно казаки и куда большим судам проход недоступен.

Наконец, турки... увеличили свою силу не только огромным количеством лодок и галеотов, но присоединили к ним несколько эскадр из больших галер.

Так, между прочим, они отправили против казаков такие силы, в то время когда я был в Сирии, в 1616 г., под начальством адмирала Мехмет-Паши, сына Чикалы и двоюродного брата султана. Кроме огромного количества небольших судов, он взял с собой десять боль-

ших и самых лучших галер, бывших тогда в Константинополе.

Со всем тем, его участь не была счастливее его предшественников; напротив, он испытал величайшее несчастье, потому что казаки разбили его флот...

Я вам скажу... что я слышал от них, что они надеются современным овладеть Константинополем и уверены, что освобождение этой страны предназначено их храбрости, а пророчества, которые они о том имеют, ясно им то предсказывают.

Как бы то там ни было, но в настоящее время они весьма могущественны на Черном море, и нет сомнения, что если они останутся на своем месте, то никогда и никто не осмелится оспаривать его у них.

Это могущество их идет не с нынешнего дня и не недавно стали они страшны на этом море, так как султан Мурад вступил с ними в договор, и некоторые документы касательно этих дел, подписанные его собственною рукою, сохраняются теперь у меня. Хотя уже прошло более тридцати лет с тех пор, но турки не могут их не только истребить, но и одержать над ними какой либо верх, напротив того, с каждым днем они становятся все могущественнее; есть поэтому основание надеяться, что отныне значение их станет все более и более возрастать и что они станут под конец непобедимыми.

После серьезных размышлений о нынешнем состоянии их дел, об их политике и правах, которые я начал уже пристально наблюдать еще в Италии, и потом ближе в Константинополе, после этих размышлений, я не сомневаюсь, что они образуют некогда весьма могущественную республику, так как по моему мнению, знаменитые спартанцы, точно так же как сицилийцы, карфагеняне и даже римляне, а в наше время голландцы, не имели так прекрасных и столь счастливых начатков. В том нет еще большой важности, что они лишены постоянных жилищ, не имеют жен и, следовательно, потомства и законных наследников,*), ибо, кроме того, что на наших глазах число их значительно умножилось, они сами, вероятно, нечувствительно и, мало по малу, убедятся в необходимости жить вместе с женами, так как многие из них и без того женаты, а другие в войнах берут себе жен... Что касается до тех, что живут в краях более отдаленных**), то, без сомнения, они живут со своими женами и действительно у них уже видать начало прочной оседлости“.

Далее делла Валле, указывая на географическую близость владений шаха к Черному морю (в пяти-шести днях пути) и легкость освобождения от турецкой зависимости Мингрелии и Гурии, рекомендует осуществить немедленно союз Персии с казаками. Он сам уже думал поехать с этой целью на Запорожье, как узнал о прибытии оттуда к шаху казачьего посла.

Ф. С.

*) Les Fameux Voyages de Pietro della Valle, gentilhomme Romain, surnommé l'illustre Voyageur... à Paris MDCLXII.

*) Говорится о населении Сечи Запорожской.

**) В паланках, округах принадлежащих к Сечи.

Международная жизнь.

Проблема вечного мира. Вместо борьбы соглашение.

В начале этого года истекает двадцатилетний срок арбитражной конвенции, заключенной в 1908 году между Францией и Соединенными Штатами.

Согласно этой конвенции, две великих республики обязаны были взаимно все могущие возникнуть между ними споры решать арбитражем; исключение составляли лишь вопросы, касающиеся чести и независимости обоих государств. Прошлым летом Бриан, от имени Франции, предложил Америке заключить на будущее договор о вечном мире. Предложение это встречено было с симпатией в американских политических кругах, и в ответ на него, в конце истекшего года американский секретарь по международным делам Келлог предложил вопрос расширить и обратиться ко всем государствам света от общего имени Франции и Америки с предложением подписать обязательство об отказе пользоваться войной, как одним из средств международной политики. Французское правительство уклонилось от такого предложения, во-первых потому, что не хотело создавать конкуренции Лиге Наций, которая давно уже подняла аналогичные вопросы и как раз в ближайшем феврале будет обсуждать проблему разоружения; во-вторых — потому, что во Франции слишком еще свежа память о великой войне, не исчезло еще сознание угрозы со стороны восточного соседа и возможности оборонительной против него войны. Поэтому Бриан предложил Келлогу измененную формулу: изъять из оборота лишь войну наступательную, подписать на этой основе вечный мир сначала лишь между Америкой и Францией, а уже потом предложить другим государствам присоединиться к договору.

Очередь отказа перешла к Америке, о чем Келлог и сообщил Бриану. Так бесславно закончилась еще одна попытка поднять проблему мира между народами и государствами.

Большевики, конечно, не могли пропустить случая, чтобы вставить свое слово. Падкий на всякого рода головоломные проекты союзов Чичерин скомбинировал

на этот раз союз СССР, Японии, Германии и Соединенных Штатов, который можно было бы противопоставить ненавистой Советам Лиге Наций. Газеты сообщают, что он даже вступил по этому поводу в первоначальные переговоры с Японией и Германией. Какой ответ получил от них советский министр, до сведения прессы не дошло, и надо думать, случилось это потому, что ответ этот был слишком неудовлетворительный.

По инициативе общества промышленников в Лондоне состоялось совещание между представителями крупной индустрии и рабочими. Со стороны промышленников приняли участие наиболее видные деятели: владельцы железных дорог, угольных шахт, текстильных фабрик, предприятия которых имеют свыше миллиарда фунтов стерлингов основного капитала. Рабочие были представлены Генеральным Советом всех английских Тред-Унионов. Собрание, таким образом, имело в самом деле право говорить за всех английских работодателей и за всех английских рабочих. Совещание приняло для своей работы предложенные предпринимателями тезисы, сводящиеся к тому, что между промышленниками и рабочими общих интересов больше, чем интересов противоположных, что промышленники в будущем должны иметь старательных рабочих, а рабочие более высокую заработную плату, что стачка и лок-аут должны быть по возможности изъяты из промышленного оборота. Тезы приняты рабочими единогласно, за исключением представителя угольного Тред-Униона Кука, известного коммуниста. Совещание избрало для дальнейшей разработки вопроса соответственные комиссии из промышленников и рабочих на паритетных основаниях. В Москве английское намерение заменить борьбу классов согласованием интересов вызвало бурю негодования, но английские Тред-Унионы не обратили на это особого внимания.

Свой.

Казачья эмиграция.

София. Болгария.

6 января по старому стилю в Болгарии торжественно празднуется Крещение Господне наз. болгарами Богоявлением. После торжественной службы в Соборе бывает водосвятие в специально устроенной для этого беседке, на площади возле дворца.

Обыкновенно на этом водосвятии присутствует сам царь Борис и лично принимает парад.

В этом году царь Борис был нездоров и принимал парад стоя у окна во дворце.

Наблюдается оригинальный болгарский обычай после парада разбирать беседку в которой находился царь. На водосвятии и празднике присутствовало много казаков.

Вскоре начинается февральский экзаменационный период. Казаки-студенты стараются попасть на этот свободный месяц на работу.

Вообще с наступлением весны и тепла многие безработные надеются устроиться на работы. Большинство казаков весной и летом работает на полевых работах. Многие начинают сезонную торговлю фруктами, ягодами...

С.

Краков. Польша.

22-го января с. г. в Кракове украинскими эмигрантами было торжественно отпраздновано десятилетие провозглашения независимости Украины.

Огромная Зала Ягеллонского Университета не могла вместить желавших быть на торжестве. Помимо свыше полутысячи представителей украинской эмиграции, присутствовали многочисленные делегаты польской администрации, общественных и научных кругов, чехословацкий и немецкий консулы и мн. др.

„Общее внимание обращала на себя, — как сообщает бюлетьень УЦК. — многочисленная делегация донских казаков“.

После доклада проф. Богдана Лепкого, выдающегося украинского поэта и ученого, о судьбах Украины, с приветствием выступил донской казак.

„От имени донских, кубанских и терских казаков, объединенных в Вольном Казачестве, он выразил пожелание украинской эмиграции, чтобы следующее торжество Освобождения было отпраздновано на Родной Земле вместе с Вольным Казачеством: только когда будет Независимая Украина, можно надеяться на разрешение казачьего вопроса так, как того хочет само Казачество.“

Скромный оратор под бурные аплодисменты занимает место среди гостей. Овация продолжается несколько минут. („Бюл.“ № 4 — 7.).

Брно. Чехия.

28-го января „Українська Студенська Спілка“ устроила дискуссионный вечер посвященный теме по национальному вопросу.

На вечере присутствовали украинцы разных политических направлений, русские, горцы и казаки. Перед

началом дискуссии председатель сделал указание о появлении в свет журнала „Вольное Казачество“ и выразил уверенность, что большая часть казачьей интеллигенции сгруппируется вокруг нового печатного органа. Дискуссия велась (по окончании реферата) на русском языке, ввиду немалого числа присутствовавших не-украинцев. Несмотря на то, что дискутирующие высказывали далекие друг от друга взгляды, собрание проходило в сдержанных и корректных формах. Ю. Гончаров указал, что „Вольное Казачество“ не проповедует ненависти к русскому народу; мысль о государственной самостоятельности Казачества получила осуществление тогда, когда русский народ поддержал коммунизм и повел борьбу с Казачеством.

Некоторую страстность в дискуссию внес своими выступлениями другой казак-студент А. Ленивов.

Устроители остались удовлетворены вечером и выразили пожелание, чтобы возможно большее количество лиц самых разнообразных оттенков политической мысли явилось на следующее собрание.

Е. Г.

В Донском казачьем хоре „Платов“.

Несмотря на свое недолгое существование, хор имеет за собою уже свыше 80-ти концертов, наибольшая часть которых падает на Чехословакию. Хор молод не только своим существованием, но и своим составом. Выступления хора отмечены не только казачьей и русской прессой, но и рядом иностранных газет.

Вот что пишет рижская газета „Сегодня Вечером“ — № 10 под заглавием „Донцы“:

„Экзотика победила Европу. Каждая песнь казачья или русская в своеобразной передаче донских казачьих хоров теперь самое модное, самое популярное в Германии, Австрии, Чехословакии. Эта песнь завоевывает Францию и, перелетая через океан, побеждает американцев.

Имя С. Жарова в необычайно короткий срок стало таким же известным, как и имена лучших представителей русского театра и русского музыкального мира.

Запад забыл, что донской казак — это „полудикакий косматый человек, умеющий только скакать на неоседланном коне и колоть пикой противника“. Теперь в глазах западно-европейцев и американцев, казак это — песня, глубоко проникающая в душу, и своей искренностью, непосредственностью и художественностью передачи трогательная и волнующая самых черствых людей.

Казачья песня сделалась понятной всем... понятной без слов!

Ее хотят слышать и она разливается все шире и шире по чужой земле.

У С. Жарова появился товарищ — хор донских казаков, организовавшийся в Праге под руководством Н. Кострюкова. Младший товарищ, вполне достойный старшего. Недавно Вена — город, создавший славу хору С. Жарова, имела возможность сравнить оба донских хора. Их концерты состоялись в Вене в течение одной недели. И из этого состязания оба хора вышли победителями.

А между тем — руководители хоров С. Жаров и Н. Кострюков — две совершенно разных индивидуальности: С. Жаров — огонь, темперамент, казачья стремительность, соединенная с какой-то детской, подкупающей невинностью. Н. Кострюков — власть, точность, сила, которая создает из сорокоголового хора одного певца, и, вместе с тем, широта, умение вызывать в исполнении неподдельный подъем, захватывающий публику и т. д.“

После мирового экзамена в Вене и в ряде других крупных городов Австрии, хор вернулся с хорошей аттестацией в Чехию, где заканчивает свое турне.

4-го февраля хор выезжает в Румынию, в столичном городе которой, Бухаресте, 8-го февраля состоится концерт. Дав ряд концертов в Румынии, хор последует дальше в Европу.

Интересно отметить жизнь хора в чужих землях и отношение к нему жителей. Воспроизведу один характерный эпизод.

Рано утром приехали в Инсбрук (Австрия), где хор должен был ожидать автобус. Разместились в **Hotel** и начали распределять свободное время, кто как умеет. Одни, после бессонной ночи в вагоне, пошли спать, другие — наслаждаться красотами этого живописного городка-курорта, а остальные занялись хозяйством — приготавливаясь к концерту.

Концерт. Хористы выходят на сцену под бурю аплодисментов. По исполнении первой вещи произошло что-то необыкновенное — публика неистовствовала. По окончании первого отделения молодой и талантливейший дирижер хора был неоднократно вызываем публикой под гром и грохот аплодисментов.

В антракте хористам не пришлось отдохнуть. Комната артистов моментально была запружена публикой, которая стояла в очереди к каждому хористу, чтобы получить автограф.

Казаки пользуются любым моментом, не теряясь в какой-бы то ни было обстановке — заводят знакомства и начинается разговор на непонятных друг другу языках. Обе стороны бывают довольны, когда понимают друг друга и — когда не понимают друг друга. Это довольство выражается в обоих случаях искренним веселым смехом, и после концерта казаки расстаются с публикой, как с давними знакомыми.

Обыкновенно, после каждого концерта, хористы идут куда-нибудь посидеть, послушать музыку, отвести душу, словом. На этот раз, по рекомендации местной публики, попали в одно из лучших и замечательных своею образностью кафе, являвшегося местом времяпрепровождения местного студенчества.

Студенчество здесь делится на фракции, имеет свои традиции, знамена и традиционную форму. Одна фракция имеет форму голубую — расшитый мундир наподобие гусарского и высокий каскет, другие фракции носят формы иных цветов — желтую, розовую...

Каждая фракция имеет в кафе свои постоянные столы, а на одном из столов — центральном, стоит знамя фракции, там же сидит вожак фракции. Каждая фракция, приходя, занимает свои столы и, не снимая головных уборов, начинает веселиться.

Каждая фракция держится обособленно, как будто между собою ничего общего не имеется, и на долю хора Донских казаков выпала участь, быть может хоть на один вечер, свести все фракции вместе и слить в одну общую дружную студенческую семью.

Случилось это неожиданно и совершенно случайно.

Казаки-хористы вошли в кафе группой, как бы фракцией, — все в казачьей форме. Заняли стол по соседству с одним из фракционных — и тихо и мирно слушали, и наблюдали за всем, что происходит вокруг.

Студенты пели, веселились и это было таким повседневым, что из публики почти никто не обращал на них внимания, кроме казаков.

Несколько минут спустя за соседним столом послышалась знакомая старая студенческая песня: „**Gaudeamus igitur**“...

Наши казаки не заставили себя долго ожидать и присоединились к общему студенческому гимну.

Каково было удивление фракционеров и всей публики, что наши казаки знают и поют „**Gaudeamus**“. Равнодушное до сих пор отношение фракционеров к казакам изменилось. Два соседних стола слились в один общий семейный стол. Началось общее веселье, и пришла пора блеснуть познаниями немецкого языка, на помощь которому были привлечены все части тела и все чувства.

Видя тесное единение, остальные фракционеры не замедлили присоединиться, и все — голубые, желтые и розовые мундиры и наши лампасы — смешались, и все цвета грянули всем знакомую песню — „Стенька Разин“.

Много было разговоров и о казаках и о песне казачьей, кто такие казаки и почему теперь они не такие, какими были во время войны: те были злые, как писалось в газетах.

Получив на все вопросы исчерпывающие ответы, новые друзья уже не представляли себе диким и косматым казака, увидели, что казаки те-же европейцы, но с более богатым историческим прошлым, с натурой — умеющей быть не только хорошим воином — скакать, рубить, колоть, но и покорять песней чужие сердца...

Г.

Собрание уполномоченных С. Х. Союза.

5 февраля 1928 года в помещении Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза состоялось собрание уполномоченных. Прибыло всего 30 уполномоченных.

Собрание открыл председатель С. Х. Союза Т. М. Стариков. Кандидатами в председатели собрания были назначены М. А. Горчуков и инженер А. Н. Зрянин. В результате тайного голосования избранным оказался А. Н. Зрянин.

Повестка собрания, представленная Правлением, была принята без изменения. С докладом о деятельности правления Союза выступил Т. М. Стариков, который обрисовал ту мрачную обстановку, при которой пришлось вести работу новому правлению. За союзом числилась задолженность, выражавшаяся в сумме более 46000 кч. и правление, несмотря на весьма скудную теперешнюю ассигновку (10000 кч.), выплатило в течение 9 месяцев почти треть долгов, сделанных предыдущими Правлениями. Далее в Союзе в течение двух лет не производились выборы уполномоченных, что всецело было возложено на новое правление, причем был указан срок этих выборов. При чрезвычайно трудных обстоятельствах, при отсутствии средств на предмет выборов уполномоченных, выборы правлению все же удалось произвести. После доклада правления многие г. г. уполномоченные приняли живое участие в прениях.

Уп. М. М. Большаков в очень горячем своем слове обвинял предыдущие правления, под председательством В. И. Сидорина в их слабой заботе о казаках-земледельцах и плохой связи с ними в то время, когда Союз обладал большими ассигновками (70.000 к. ч. в месяц) — на различные поездки председателя затрачивались тысячи.

Затем высказал большое возмущение о переходе журнала „К. П.“ в частные руки, чем члены были лишены своего органа, а теперешнее издательство хранит тюки журнала.

Протестовал против демагогического приема в предвыборной кампании деятелей „Пути Каз-ва“, наклеивших на казаков-земледельцев*) ярлык пролетариев.

Уп. И. Ф. Быкадоров отметил большие трудности, которые пришлось преодолеть Правлению, наделенному долгами и затяжкой выборов уполномоченных.

Далее говорит о напрасном растрачивании денег Союза на представительство во Франции, где имеются казачьи организации. Но во имя личной борьбы во Франции ведется борьба с Казачьим Союзом, завоевавшим там вместе с Атаманами твердое положение.

Нужно бросить такую политику старых политиканов, доведших Союз до долгов и деления казаков. Объединяться предлагает не с отдельными лицами или группировками в 5-6 лиц и тем демонстрировать фиктивное объединение, а объединяться с организациями и прежде всего с Казачьим Союзом, во главе которого стоят авторитетные лица для Казачества. Наконец, призывает бросить заниматься С. Х. Союзу политикой, а обратиться к необходимой для казаков практической работе и привлечь к работе в Союзе и казаков-земледельцев.

Уп. Б. Н. Уланов обратил внимание на непроизводство выборов в 4 районах за отсутствием якобы средств у Союза. На это средства должно и можно было изыскать. После этого Б. Н. Уланов останавливается на переходе „Каз. Пути“ в распоряжение В. А. Харламова. Этим многие члены лишились единственно-

*) Казаками-земледельцами принято называть в Ч. С. Р. рядовых казаков.

го своего духовного источника и были отстранены от участия в журнале. Указал на ценность „К. П.“ при условии существования его при Союзе; отделение „К. П.“ явилось одной из причин разложения Союза. Кроме того переход журнала в частные „благонадежные“ руки не есть чистый демократизм, а его искажение. В заключение настойчиво предлагает привлечь к работе в Правлении Союза казаков земледельцев.

Уп. С. П. Еремин указал собранию на разрешение финансовых дел с настоящим издательством „К. П.“ в лице В. А. Харламова, которое, взявши журнал у Союза, взяло с этим актив (все имущество) журнала, оставив на долю Союзу пассив (долги) в размере 15000 кч.

Уп. В. Д. Белый отметил малое количество членов, устроенных на работы; всего устроено два студента на платную практику и 70 членов на физическую работу.

„Нё мы, — говорит В. Д. Белый, — представители Союза Единства Казачества, Демократ. Студен. Союза, казаков-земледельцев не хотим блага Союзу, а, наоборот, В. А. Харламов и с ним рядом стоящие; мы же кроме блага Союзу, желаем и хороших взаимоотношений с Казачьим Союзом“.

Уп. П. И. Колачев заметил о невозможности и трудности сотрудничества с группой „К. П.“, т. к. в журнале проводятся мысли лишь милоковского толка.

Уп. С. И. Куркин в простых словах призывал к объединению всех казаков, указывая, что разделение и расслоение по российским партиям ничего, кроме зла, не принесет.

Уп. В. А. Харламов утверждал, что если бы журнал „К. П.“ не был отделен от Союза и не находился в его непосредственном ведении, то наверное, прекратил бы свое существование. Снова напомнил о своем стаже в Государствен. Думах.

Уп. В. И. Сидорин, возражая И. Ф. Быкадорову, говорит, что С. Х. Союз является политической организацией и не заниматься политикой не может. Журнал „К. П.“ по его мнению, приобрел большую популярность, что он ставит в связь с отделением его от С. Х. Союза.

Уп. Д. Я. Бирюков, отвечая В. А. Харламову, сказал: „Вы по своим политическим причинам не хотите иметь дело с Атаманами, а казаки — наоборот“.

Уп. А. Н. Зрянин говорит, что убедительных данных в отношении отделения журнала не приведено. Все это предположительно, но точно так же предположительно можно сказать обратное: при союзе журнал завоевал бы гораздо большие симпатии и твердое положение. Потом указал, что новое издательство, взявши журнал у Союза, должно было бы взять и его долги.

По окончании прений была принята резолюция о деятельности правления, деятельность которого принята к сведению. Затем были высказаны и одобрены пожелания и план работы на следующий год. Представительство во Франции, на которое уходит много денег голосованием решено закрыть, но после горячих слов сторонников представительства вопрос был пероголосован и разрешен в пользу представительства одним голосом.

В председатели С. Х. Союза были названы В. А. Харламов, А. Н. Зрянин и Т. М. Стариков; последний от баллотировки отказался. В результате тайного голосования за В. А. Харламова подано 15 за, 14 против, за А. Н. Зрянина — 13 за, 14 против. При голосовании участвовало 30. По уставу избранными считаются получившие половину плюс один голос присутствовавших на собрании; избранных в председатели С. Х. Союза не оказалось. Здесь возник вопрос, горячо защищаемый сторонниками В. А. Харламова и самим избираемым, что первый кандидат является избранным. Не мало времени и энергии было затрачено самим В. А. Харламовым на доказательство его избрания. Собрание решило произвести новые выборы. При вторичном голосовании с участием В. А. Харламова, избранным оказался В. А. Харламов при 16 за и 14 против.

В дальнейшем представители групп, не голосовавших за кандидатуру В. А. Харламова, воздержались от

выставления своих кандидатов. В члены правления избранными оказались: Аспидов, Автономов, Васильев Е. К., Загороднов, Крюков, Попов А. В.; в ревизион. комиссию: Мельников Я., Макаров С. В., Караваев.

Таким образом руководство С. Х. Союзом оказалось в руках исключительно группы В. А. Харламова и Союза Возрождения Казачества, так наз. гр. эс-эрс-эрс-эрс. Соглашение по журналу между ними произошло раньше. Соединение „П. К.“ с Союзом, как будто произошло — редактор является председателем Союза, но можно утверждать, что при создавшемся таком „соединении“ журнал „П. К.“ будет выразителем не С. Х. Союза, а наоборот С. Х. Союз будет демонстрироваться, как выразитель казачьей милликовско-эс-эрс-эрс-эрс фракции.

И. Г.

Вечеринка С. К. О. В. У. З.

В субботу 4 февраля союзом казаков окончивших высшие учебные заведения в ЧСР. была устроена в „Палас“ вечеринка.

Публика, посетившая вечеринку, осталась очень довольна большой и разнообразной программой, многие номера которой прошли с особым успехом.

Особенно бурным успехом пользовались выступлен. знаменитого тенора и артиста донского казака В. А. Левичко и лезгинка примобалерины К. К. Гурской.

По окончании концертной программы были танцы.

В Казачьих Землях.

Хлеб не дают.

Падение темпа хлебозаготовок создало у ряда низовых кооперативов демобилизованное настроение и повлекло за собой даже свертывание хлебозаготовительного аппарата. Во многих областях и округах наблюдается расхлябанность со стороны местных органов. Этот вопрос обсуждался на заседании Крайкома партии большевиков. Завед. терским торговделом за непринятие своевременных мер против спекулянтов и за слабую работу вообще снят с должности.

Донскому окруж. ком. за недостаточную раскачку партаппарата на местах объявлен выговор.

На Кубани власти самовольно уменьшили плановое задание на 165.000 тонн, ничего не делали для раскочки местного аппарата, а к посылке работников на места приступили с опозданием. Кубанскому окруж. ком. объявлен выговор.

Также объявлен выговор за расхлябанность Северо-Осетинскому областному. Секретарь облкома выехал в Москву в ноябре и до сих пор не возвращается. Председ. облкома в самый горячий момент хлебозаготовки проводит целые недели в Ростове. Председ. облкома Саламову и секретарю Борукаеву выговор.

Не лучше дело обстоит в Кабарде. Завед. агит. отд. областного центра, получив директивы центра о хлебозаготовках, положил их в боковой карман, а затем совершенно забыл о них. Секретарь облкома выехал куда-то по делам, ничего общего неимеющим с хлебозаготовками. Завед. агит. отд. Зубков-Моталин снят с работы, и дело его передано в контрольный комиссию. Секретарю облкома Боровицкому выговор.

Отстранен и предан суду заведующий страдо-кубанским элеватором.

Вітаємо!

Член Кубанської Краєвої Ради О. І. Балабас і дружина його Е. І. Балабас — обоє скінчили природничий факультет старославного Карлового університету в Празі і кожний з них 3 цього лютого був проголошений доктором наук природничих. Вітаємо!

Хроника.

— Состоялась беседа представителей журналов „Вольное Казачество“ и „Вольные Горцы“ по ряду казачьих и горских вопросов.

— Представитель „Вольного Казачества“ И. Ф. Быкадоров сделал доклад студентам Украинской С.-Х. Академии на тему „Самоопределение народов Востока Европы и Вольное Казачество“.

Многочисленная аудитория заслушала доклад с большим вниманием и наградила докладчика шумными аплодисментами. После доклада представители „Вольного Казачества“ имели дружественную встречу с представителями украинской колонии. Продолжительная беседа носила самый сердечный характер.

— На этих днях представитель „Вольного Казачества“ выехал в Париж.

В Сальском округе отданы под суд за неисполнение и искажение линии и за медлительность: Сельсоюз, Горпо, Севкавсельсклад и Андреевское потребители. общество.

Пятигорский окруж. ком., заслушав доклад о хлебозаготовках, сделал выговор председ. совета Прикумска, Прохладной, Георгиевска, Есентуков.

Кубанский окруж. ком. снял с должностей и подверг взысканию председателей станич. советов ст. Опочиновской, Ванновской, Новодеревянской, Петропавловской, и др.

Сталинград. губ. исп. ком. сделал строгие выговоры стан. совет. станиц: Сиротинской, Иловлинской, Кременской и др.

В Донецком округе от 13 С. Х. т-в не поступало сведений несмотря на ряд категорических предложений Донсоюза. Эти т-ва предложения не выполнили и привлечены к ответственности — Гундоровское, У-Быстряное, Николаевское, Мариинское, Сулинское, Кр. Донецкое, Лиховское, Тащинское, Тузловское и Шахтинское.

Предан суду предансовет. ст. Мечетинской и Тарасовского Е. П. О. Быкодоров.

Арестовано много зажиточных граждан за агитацию против продажи хлеба и за злостную критику правительствен. мероприятий в области хлебозаготовок. Общие причины неудовлетворительного хода заготовок получили большое освещение в печати. Теперь решено, чтобы сбыт мануфактурных товаров, которыми располагают С. Х. т-ва, также должен идти под лозунгом получения за него хлеба; установлены поощрительные премии и т. д.

Яркой иллюстрацией плохого состояния всех кампаний, предпринятых советами, является приезд народ. комиссара торговли Микояна в станицы и присылка представителей из центра.

(Извест. 3242, 3244, 3247. Молот 1936, 1937, 1939, 1940).

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Болгария. — В. — Тырново. — Д. Б. — Рады, что журнал „В. К.“ имеет достаточно сторонников у вас.

Болгария. — Ореховицы. — Г. — Вы пишете: — „Пока я жив, обязан делать живое дело и, не оставившись ни перед какими преградами, возможно шире распространять золотые слова журнала“. — Рады Вашему ценному сотрудничеству.

Болгария. — „Хутор“ Благодатный. — Желательно иметь Ваши подписи.

Югославия. — Загреб. — Б. — В Вашем письме есть строки: — „С присылкой журнала „В. К.“ жизнь всколыхнулась... Что спору?! Ужас. Отрадное явление, когда, читая, публика задумывается... Душа-то того“... — Мы со своей стороны рады, что жизнь у вас всколыхнулась. Пришла пора казакам думать о самих себе, откинуть идеи „служебности“ и вывести Казачество на широкую дорогу государственной жизни.

Югославия. — Белград. — В. П. К-му. — „Огоньки“ — пойдут в 6 или 7 номере. Просим продолжать сотрудничать и далее.

Югославия. — Белград. — П. К. — Ваше пространное сообщение заслушано с интересом. Рады, что у „В. К.“ имеются горячие сторонники. Что касается „окрысившихся“, то выражаем надежду, — с течением времени они разберутся в провокациях по нашему адресу и выйдут на общую казачью дорогу.

Югославия. — Осек. — Г. М. — ... „Вірші, котрі Ви недавно написали у степи, коло свиней, олівцем на

коліні“... — одержали. Надіємось на Ваше співробітництво у нас и на далі.

Китай. — Харбин. — К. — Вы пишете: „Ваш журнал охватывает всю ширину казачьей жизни и быта, а потому он является для казачества насущным хлебом... Казаки Д. Востока и Сибири не имеют никакого собственного издания, читают паршивые газеты, которые или красные издают, или черные... Ваша платформа будет приемлема для здешних организаций“... — За обещанные информации будем весьма признательны. С указанной Вами казачьей группой рады установить более тесное общение.

Литва. — Б. С. — Вы пишете: „Еще приходится убеждаться каждый раз, как много теряет казачество, смешивая Дон с Москвой. Литовская интеллигенция этих понятий не смешивает“. — Надеемся, что недалеко время, когда и казачество и Западная Европа это поймут. За информации будем благодарны.

Польша. — Варшава. — А. Р. — Пожелание Ваше исполнили. Очень будем рады, если проведете намеченные Вами работы.

Франция. — Париж. — А. — Ваше содержательное осведомительное письмо заслушано с большим интересом. — Все, поставленные Вами вопросы, наш представитель разрешит на месте.

Франция. — Виши. — Б. — Целиком разделяем Ваши мысли. Да, „наше казачье бытие должно быть обособлено в независимую государственную жизнь“.

Письмом в редакцию „Вольного Казачества“ М. И. Самсонов, во избежание возможных недоразумений, как сторонник идей Вольного Казачества, сообщает, что он выбыл из Редсовета „Путь Казачества“.

Вышел из печати и поступил в продажу сборник казачьих рассказов „Родной Край“ В. С. Крюкова. Часть денег, вырученных от продажи книги, идет на помощь туберкулезным и больным казакам (в распоряжение Донского Атамана).

Стоимость книги — 10 франков с пересылкой (в любой валюте) можно направлять в простом письме по адресу „Казачьего Союза“:

„Union des Cosaques“, 1, villa Chauvelot, Paris XV, France.

В Болгарии: 55 лев. София. 26, Марин Дрянов, I. К. Зенков.

В Сербии: К. Я. Маноцков, Юванова 3, Ниш, Jugoslavie.

В Чехии: Marakuev, Hotel Beranek, Praha.

Америка: Mr. Boulavine, 191, Cadillac st. Ford City, Ont. Canada.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Український Національний музей-архів

при Українському Інституті Громадознавства (заснов. У. Г. К. в 1923 р).

Приймає в дар, на переховування та купує різні матеріали:

1. З визвольної боротьби українського народу.
2. Памятки української старовини и мистецтва.
3. Матеріяли до історії української еміграції.
4. Відомости про українські пам'ятки, що знаходяться в чужих державах.

Що до використання зібраних матеріалів і опублікування, то Музей-Архів керується лише волею жертводавців-власників і додержується виданих від Музею-Архіву зобов'язань, що до хоронення матеріалів у тайні й инш.

Музей-Архів видає зацікавленим особам справки про поляглих вояків і померлих на еміграції (на основі тих матеріалів, що вже зібрані в Муз.-Архіві).

Муз.-Архів звертається з проханням до громадянства про надсилку до Музею-Архіву відомостей про поляглих в боях, на повстанні чи померлих на еміграції; для цієї цілі Муз. Арх. виготовлено спеціальний „Листок Поляглого“, який розсилається у необхідній кількості примірників.

Музей-Архів звертається із закликом до всіх установ та організацій, що ліквідовані і закінчили свою діяльність, про передачу до Муз.-Арх. своїх архівів.

Музей-Архів вірить у співчуття цієї важливої національної справі всього українського громадянства без різниці земель і політичних поглядів.

Для перегляду та встановлення вартости матеріалів при Музей-Архіві працює Наукова Колегія з учених фаховців.

До цього часу Музей-Архів зібрав до 50.000 різних матеріалів.

Адреса: Прага III, Šefíková ul. 4 3. Чехословаччина.

Дирекція Музею-Архіва.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество —
Вільне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et C-ie, Editeurs. 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-руско-украинский книжный магазин
F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1
Tchécoslovaquie.

Всякаго рода типографскія работы
выполняются дешево и аккуратно
на всѣх славянских языках.